

Андрей Респов

TGB



Небытие  
Демидург

Эскул

Андрей Респов

**Небытие. Демиург**

«Топ Груп Бук»

2020

## **Респов А.**

Небытие. Демиург / А. Респов — «Топ Групп Бук»,  
2020 — (Эскул)

Он вернулся. Эскул Ап Холиен. Ты привык попадать из реальности в Игру? Попробуй выжить, попав из Игры в Реальность! Хотел построить мирную жизнь, полную любви и достатка? Для чего обрёл ты старых и новых друзей, кварталон? Для того, чтобы сладко спать и вкусно есть на золотой посуде? Разберись, кто твой друг, а кто – враг! И попробуй найти истинную любовь, романтик. Удачи тебе, Эскул! Возьми этот мир и спаси его ещё раз, не думая, достоин ли он того! Хватит быть игрушкой в руках кукловодов. Пора взрослеть, Демиург!

## Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	29
Глава пятая	37
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# Андрей Респов

## Небытие. Демиург

### Пролог

За десять миль до Тогенбурга кибитку накрыло пеленой ливня. Ненастье собиралось весь длинный летний день, воздух густел, превращаясь в мутный сироп. Но, когда, казалось бы, должно было прийти освобождение с вечерней прохладой, небеса Небытия разверзлись проливным дождём.

Небесные воды быстро загнали отпрысков мамыши Хейген под тент. Дремлющий всю дорогу Гуггенхайм, недовольно ругаясь, втянул свои морщинистые зелёные ступни внутрь фургона. Бруно накинул пропитанный маслом плащ на голову и спину, сидящей на облучке матери.

За несколько минут сухой и наезженный тракт превратился в широкий и мелкий ручей.

– Холиен, слышь, Холиен! А Грандмастер Воды может оторваться от мыслей о всемирном счастье и сотворить большой зонтик? – ехидно поинтересовалась Маттенгельд Хайгуриинн, пихнув мокрой рукой зачитавшегося «Алхимией» Эскула.

Я поёжился. С дождём пришёл пронизывающий холодный ветер. Сидящие в фургоне постарались натянуть на себя даже старые шкуры, которыми укрывались по ночам. Мда. До города плестись будем ещё как минимум час-полтора. Дети точно простынут. Ману тратить всё равно придётся, хотя бы для излечения соплевых носов и больных голов. А вспомнив каким противным становится Гуггенхайм с разыгравшимся радикулитом... Уф. Нет. Я пробрался на место, рядом с мамашей Хейген и активировал Щит Воды малой интенсивности, подвесив его над фургоном и лошадьми. А чем коняшки хуже разумных?

Купол сдерживал как воду, так и холодный ветер. Но обмануть термодинамику не удалось. Холод продолжал пробираться до костей. Не хватало схлопотать пневмонию... Бессмертный Целитель, умерший от воспаления лёгких, – это уже какой-то фарс. Зато, кушайте, мастер Холиен, свою новообретённую реальность полной ложкой!

Спине неожиданно стало тепло, и кто-то горячо задышал в ухо.

– О, мастресс Золано, вы проснулись...

– Мастер Холиен, – Эскул услышал едва сдерживаемый зевок, – скоро ли Тогенбург?

– Скоро, мастресс Прима, скоро... – хриплый голос мамыши Хейген, успевшей раскурить свою любимую трубку, вмешался в нашу беседу.

Всё уже было тысячу раз обговорено и решено. Прима Обитатели Трёх Сестёр за эти дни отошла от ужаса, пережитого в Варрагоне. К монахине вернулось самообладание и даже какая-то аристократическая спесь. Она уже здорово надоела нашей компании своими нравоучениями и попытками помочь Хейген в готовке, а Гуггенхайму – в варке его эликсиров. И преуспела во всём этом настолько, что гоблин и гнома не могли дожидаться великого часа расставания в Тогенбурге.

Из кибитки раздалось ворчание Гуггенхайма:

– Сколько раз говорить, Эскул. Не бросай ты так книги! Почитал – заверни в сухую тряпицу. Что за безответственность...

– Простите, учитель...

Интервалы между раскатами грома становились всё меньше. Мне показалось, что очередная вспышка ослепительной молнии закрыла небо от горизонта до горизонта. Мамаша Хейген высунула покрасневший нос из-под капюшона, изумлённо вытаращив глаза:

– Подгорнова борода! Это что за...

Небо над трактом, по которому ехала кибитка за несколько минут сменила цвет от лилового до золотисто-жёлтого. Сполохи молнии брызгами разбежались по небосводу, вспыхнула и медленно стала тускнеть гигантская золотая паутина. Щит Воды задрожал и распался, немедленно обдав мириадами холодных брызг пассажиров. Визг детей и ругательства Хейген потонули в рёве ураганного ветра.

Я поспешно попытался активировать Щит заново, отмечая краем глаза, что мана в Сфере Преобразования просела на добрую четверть. Ничего себе! Это что ж такое нас накрыло. Вторых новый Щит активировал с запасом. Да таким, что через него почти не стало видно пути. Он отрезал все звуки, а яркие сполохи светопреставления лишь тусклыми бликами играли на его поверхности, создавая причудливые радужные разводы.

– Ох, не знаю, Хейген... Первый раз такое вижу. Конец света какой-то...

– Вроде бы затихает? – вместе с любопытными рожицами близнецов, рыжей головёнкой Тоши и лохматой шевелюрой Бруно показался нос Гуггенхайма.

И действительно, пространство за мутным пузырьём Щита просветлело. Я оглянулся на гоблина. Тот в недоумении пожал плечами, задумался и махнул мне ободряюще рукой. Щит Воды, повинуясь моей команде, растаял.

Вечерний небосвод был безукоризненно чист. Ни облачка, ни дымки, ни золотой паутины. Влажный воздух был почти не движим. Значительно потеплело. В раскисшей грязи тракта колёса кибитки и копыта лошадей создавали постоянную хлюпающую какофонию звуков.

Фургон замедлил ход. Обрадованная окончанию светопреставления, малышня спрыгивала на обочину дороги, с визгом и криками стала носиться в высокой влажной траве, обгоняя едва волочившихся лошадей.

– Тим! Том! А ну вернитесь! – мамаша Хейген стала править ближе к краю дороги, там потоки воды уже поредели и грязь выглядела помельче, – вот сорванцы! До города всего ничего осталось...

– Да оставь ты их, Матильда. Засиделись пацанята... – проскрипел Гуггенхайм.

– Да? А стирать вечером их одежду ты будешь, старый п... пройдоха? – Хейген делала вид, что сердится. Хотя продолжала умильно улыбаться, глядя на игры близнецов.

– Ой, да ладно тебе! Рубахой больше, рубахой меньше... Смотри, как радуются, козявки...

– А и то верно, мастер. Жизни радоваться надо. Что только она нам впереди приготовила. А, Холиен, не знаешь? В твоём мире тоже такие парады в небе бывают? Я вот четвёртую дюжину зим сменяла, а такого ни на Севере, ни на Юге углядеть не привелось. Разве, что Эйрик про сполохи, что у них с морозами над Кодебю приходят, рассказывал...

– Не сполохи это, Хейген, – я почесал затылок, – подобного я не только не видел, но и никогда не слышал о таком явлении. А к добру или к худу? Поживём – увидим, Маттенгельд Хайгуринн!

## Глава первая

Тогенбург оказался маленьким, но чрезвычайно многолюдным городком. Его узкие улочки были полны грязи после дождя ещё больше, чем имперский тракт.

Все так утомились, что провожать Марию Золано, когда фургон подъехал к местной Обители пришлось мне одному. Короткие пожелания доброго пути. Вежливые кивки Примы, скупые улыбки – и вот я уже стучу в старые щелястые ворота приземистого одноэтажного здания, очень смахивающего на складской ангар в порту Варрагона, только намного более пристойный, с выбеленными стенами и узкими оконцами-бойницами.

Первая же открывшая нам Сестра, увидев Марию Золано, ахнула, прикрыла рот рукой и закудаhtала на весь двор. На её призыв сбежались другие Сёстры. Прима было достаточно одного взгляда, чтобы унять переполох.

Привратница оставила створку полуоткрытой и вежливо отошла вглубь двора.

– Ну что, Мария, вот ты и почти дома. Обниматься будем? – я широко улыбнулся, заметив в глазах Примы лёгкое замешательство, – не переживай, маркиза, Эскул Ап Холиен – настоящий джентльмен, он тебя никогда не скомпрометирует. Даже ради того, чтобы посмотреть на твою реакцию...

– Два слова, Холиен, – Золано, как всегда, быстро справилась с внешними проявлениями своих чувств.

– Я весь внимание, мастресс, – не люблю мелодраматических прощаний. А интуиция мне подсказывала, что сейчас последует именно оно. Да и есть уже хотелось сильно. Я скопил глазом на фургон. Мамаша Хейген нетерпеливо крутила в руках вожжи.

– Мастер Холиен, спасибо тебе. Спасибо, что спас. Спасибо, что ты был у меня, Эс. Прощай и да принесёт тебе судьба любовь, надежду и веру. Да хранят тебя Три Сестры! – вот, значит, как, ошибся я. Обидно. Решила скрыть благодарность за вуалью послушничества. Ну-ну...

– И тебе спасибо, Маша! И прости, если что не так... – я развернулся, чувствуя спиной молчаливый взгляд Примы. А когда забирался в повозку, ворота Обители были уже плотно закрыты. Что ж, перевернул страницу. Я вздохнул. Не буду кривить душой, с облегчением...

– Но! Пошли, родимые! – мамаша Хейген сорвала фургон с места, прикрикнув на лошадей, – вот и хорошо, мастер Холиен, вот и ладно. К месту доставили, долг выполнили. Прямо гора с плеч, клянусь усами Подгорного. А то, не закуришь лишний раз или не пукнешь, да простят меня Три Сестры.

– Не любишь ты благородных хумансов, Матильда. Ой, не любишь! – я не стал забираться в фургон, а присел рядом с гномой на облучок. До постоянного двора ехать было совсем недолго, мы проехали его на въезде в город, по дороге к Обители.

– А я и у старших народов аристократов не жалуя. У нас, у гномов, я считаю всё рациональнее устроено. Кто опытнее и надёжнее, тот и достойнее. Мы старост, глав, да что там, королей! Сами выбираем, всем обчеством. Во так!

– Демократия, значит, у вас?

– Не знаю, какая там дуракратия, а ежели доверие народное не оправдал, так и выгнать могут. Совсем. А кому ты нужен-то, без своей земли, да без корней. Сухой побег. Ну, а ежели карман свой набить за счёт других пожелаешь, так прямая дорожка тебе в самую глубокую шахту. Да ещё и плюнут вослед попутно...

– Сурово у вас, Матильда...

– А ты как думал, Эс? Народ мы жёсткий, но справедливый. Чужого не возьмём, но и своего... лучше не подходи, – мамаша Хейген сурово сдвинула брови, но увидев искры в глазах готового прыснуть от смеха Эскула, не выдержала и улыбнулась, махнув в сторону квартерона потухшей трубкой, – всё тебе, мастер, смехуёчки... провокатор. Ты мне вот что лучше рас-

скажи, герой-любовник ты наш. Прости, при Золано этой не спрашивала, постеснялась. Твоя северяночка про неё знает?

– Упаси Рандом, мамаша. Я не в том возрасте, чтобы невесте подробности про свои постельные приключения рассказывать.

– Молодец! Вот так дальше и... стой на своём. Мол, единственная и неповторимая, других только в мыслях, а тебя наяву! И дальше, в том же духе... Ну ты лучше можешь. Язык без костей. Ни про Марию, ни про Гудрун, ни про эту, как её... эээ всё во сне её имя твердишь. Лоос какая-то...

– Вот это да... – я просто не знал, что сказать, затем, немного помолчал, скрывая смущение, – а чего это ты Матильда заговорила об этом?

– А то, Эс! Котьяра ты... тот ещё. Порадовалась я, что за ум начал браться. Невесту присмотрел. Вона куда отправились, чтобы, значит, разрешения просить! Половину земель пройти, да не самых безопасных... ради любимой. Уважаю. Да вот только и правду тебе здесь кто ещё скажет? А? Отца-матери нет у тебя кварталон. Друзья-бессмертные далеко, по морьям плавают. А я, старая гнома, глядишь, и сгожусь советом-то.

– Это ты-то старая, мамаша Хейген? Да тебя хоть сейчас в первую шеренгу хирда поставить, мало не покажется!

– Спасибо на добром слове, мастер. А и не молодёшенька. Такого кобелька, как ты уже и не заинтересую. Тьфу ты... Не о том я! Вот выбрал ты девушку, красивую, редкую, боевитую. В жёны позвал, с родом её сблизился, с матерью сговорился... Ну-ну, пусть и не крепко, но всё же пришли вы к решению, ведь так?

– Всё так, Матильда, только не пойму, к чему ты клонишь, мамаша...

– Ты не обижайся, Эс, но со стороны кое-какие вещи виднее. А дорога у нас дальняя, времени подумать будет много. А если останешься крепок в своём решении, значит, не права старая дура Маттенгельд Хайгуринн!

– Ладно, вижу не отвертеться мне от этого разговора. Что ты хотела мне рассказать?

– Ещё раз прошу, мастер не обижайся и не ершись. А только болит у меня сердце за тебя. Не всё ты ещё знаешь, а если и знаешь чего, то не придаёшь ему должного внимания. Всё в впопыхах, да на ходу... Ты с Натиенн о будущем когда-нибудь говорил, так, чтобы серьёзно: где жить будете, детишки там, хозяйство? Что? Не закатывая глаза горе! Ты ж посватался, кварталон...

– Гхм... как родная мама, честное слово, Хейген... Ты же сама сказала. Времени не было, – скрепя сердце, я решил всё же продолжить разговор. Зная характер гномы, понимал, не отвяжется, – не говорили ещё толком. Столько навалилось всего. Да и так понятно. Как в одной из наших книг написано: «...да прилепится жена к мужу своему...»

– Прилепится жена? Это северянка-то, племянница юрла? Хе-хе... Самоуверенный какой! Вот скажи мне. Приехал ты в Ковен и всех там уговорил, убедил. Разрешили твоей единственной замуж за тебя идти. Совет освобождает её от обета, мамаша ейная, Сигурни прозываемая, радостно вверяет свою кровиночку тебе. Ты, конечно, парень красивый, видный. Но, заметь, не хуманс чистокровный. Хотя и маг, каких поискать. Любимая твоя теряет возможную судьбу возвышения по пути магии, а то и правительницей на Севере стать или мать в своё время на посту Вельвы сменить... Ради кого? Пришлого любимого? Да ещё и бессмертного! Молчишь?

Странно, но от слов гномы неприятный холодок начал пробегать по спине. Внутри всё клокотало от возмущения. Что эта маркитантка понимает в истинных чувствах? Но умом я всё же понимал, что не желавшая мне зла Хейген, правдой пыталась достучаться до мыслей, которые я гнал от себя последнее время. А ведь и правда? Вот поженились мы с моей Нати и зажили долго и счастливо. Дурацкая фразочка из сказки для детей младшего возраста. И только. А за ней-то самое интересное и начинается... Бездна!

– Вижу, зашевелились мозги у тебя, кварталон... Гергудрун тебе не говорила, почему она, Ведьма Ковена, видная, молодая и красивая орчанка довольствуется случайными связями с мужчинами и до сих пор не свила себе гнёздышка?

– Да я как-то не...

– Не прячь глаза свои кобелиные, Эс. Ничего тут постыдного нет. Согласись, думал, что характер у неё такой... гуляющий. Бывает и такое, не скрою. А только не из такого теста Гудрун! Все Ведьмы, принявшие силу в Ковене, причастившиеся от Первоисточника и взявшие обет служения Долине Справедливости, становятся бесплодными.

– Вот тебе на...

– Не знал? Ещё одна причина, почему твоя любимая не очень тянется в Ведьмы... Женщина, самими Богами предназначенная оставить продолжение своё на земле в плоде любви беззаветной... Идёт с Ковеном против природы своей. А твоя невеста ещё и смелая до безрассудства!

– Это почему же? До безрассудства-то? – мне стало обидно за Нати.

– Потому, кварталон, что не шибко любит Ковен, когда против канона идут. Невыгодно ордену, да и опасно оставлять без контроля такую, данную богами силу! А ещё, дорогой наш Холиен, девочке своей должен по гроб жизни быть благодарен... Бесконечным своим веком ты не заметишь, как переживёшь и её юность, и зрелость, и старость... Обречён будешь, кварталон, наблюдать, как гаснет рядом твоя любимая, а если дети, внуки пойдут? Всех переживёшь! А ей терпеть твои неизбежные измены. Да, да, не криви лицо, красавчик. Ты-то будешь всегда молодым и рьяным Грандмастером!..

– Ты говоришь действительно страшные вещи, Маттенгельд Хайгуриин... – у меня перехватило дыхание и лоб покрылся испариной.

– Вот ещё о чём подумай, мастер Холиен. Знаете вы с северянкой друг друга без году неделя. Даже ложки соли вместе не съели... Ты вот уже второй месяц в пути, с нами, голью перекатной. А она с матерью, Вельвой Севера, некоронованной правительницей всех хирдов, от Ритании до Кодебю... Что там ей напоят по-родственному на розовое ушко...

– Хватит, Матильда! Я услышал... И позволь мне всё же самому решать. Сначала обещанное надо доделать до конца. А сомневаться в Нати? Какой я после этого мужчина? Или не хозяин слову своему?

– Всё так, Грандмастер, не серчай и руны свои погаси, скоро народ коситься начнёт, – я не заметил, как над головой закружилась золотистая карусель. Да, сумела гнома достучаться до потаённых страхов моих!

– Скоро там постоянный двор? – я решил прекратить неприятный разговор, смахнув карусель рун.

– Да вон уже виднеется... большой какой. Наконец, отоспимся в тепле, а не на сеновале. Постираться бы ещё не мешало да колёса в фургоне подремонтировать. Не то до границы не дотянем, – Маттенгельд Хайгуриин вновь превратилась в милую ворчунью. Лишь лукавый взгляд в мою сторону напоминал о предыдущей беседе.

– Мда, действительно большой. Не то что тот, который неделю назад проезжали. Гадюшник, да и только! Мне тамошние тараканы ещё долго сниться будут... Брр... А рожа у хозяина, как у висельника.

– Это в землях Эдгара Жадного? Хех! Кривой Дрю и так висельник. Его братья три раза из-под королевского суда выкупали. Мрачное местечко, ни за что бы не заехали. Да оно единственное в тех местах на тракте, где всегда есть овёс и чистая вода для лошадей. Ну и альвы редко заглядывают, знамо дело.

Я вспомнил странных постояльцев придорожной гостиницы. Седой благородной наружности мужчина, одетый, как воин, но без меча. С девушкой, которую он звал *darnenn*, со

странно блуждающим взглядом и бледным лицом. Оба обретались в странной неподходящей компании хватких головорезов, что постоянно сновали во дворе.

– А пиво у них хорошее было! – Гуггенхайм, молчавший последние полчаса, вступил в нашу беседу.

– Кто о чём... старый ты... – Хейген шутливо хлопнула по лысине Алхимика, – тебе дай только волю, остался бы в том трактире на неделю.

– Нет, Матильда... не остался бы. Нехорошо там. Кровью пахнет... – хлюпнул носом всё же простудившийся Гуггенхайм.

– Вы тоже заметили, мастер? Думал одному мне показалось. Постояльцы эти странные, что с королевскими гардами и егерями приехали. Помните взгляды этих хумансов с красными от недосыпа глазами и грязными рваными плащами на плечах. Я ещё решил, что они загонной охотой промышляют... – из остановившегося фургона первым выскочил долговязый Бруно, чтобы открыть ворота постоялого двора, к которому мы, наконец, подъехали.

– Ты бы держался, сынок, подальше от всякого отребья! Не доведут такие знакомы до добра, – материнский подзатыльник придал ускорение Бруно. Как только удавалось низкорослой маркитантке доставать до затылка старшего сына?

– Да ладно мам! Нормальные они, королевские егеря. А у гардов знаешь какое оружие? – у парня блестели глаза, он раскраснелся, возмущённый незаслуженной обидой.

– Ой, да хватит уже, Бруно! Знаю я какое оружие вы там рассматривали. В кости небось играли, да служанкам под юбки заглядывали. Вот допросишься ты у меня, женю на первой же приличной девушке...

Бруно взял одну из лошадей под уздцы и начал заводить фургон на широкий двор, выискивая место под навесом. Долговязый отпрыск Хейген попытался реабилитироваться:

– Всё вы напраслину говорите, мама. Егеря – люди серьёзные, по королевской надобности в тех краях были. Вон, мастер Холиен не даст соврать, он даже лечил одного... – Бруно осёкся, взглянул на меня виновато, поняв, что сболтнул лишнего. Хейген, отдав вожжи Гуггенхайму, спустилась с облучка и подошла ко мне:

– Это что такое, мастер Холиен? Почему я узнаю только сейчас про какие-то дела моего сына, да ещё и с квартироном в компании? – видимое спокойствие гномы не могло меня обмануть, а тяжесть её кулака я хорошо помнил.

– Эээ... ничего особенного, Хейген. Я и не думал о таком пустяке. Бруно и правда засиделся с этими егерями. А потом привёл ко мне одного из них. Тот маялся болями в... мужском месте. Лепетал что-то про случай на охоте, что, мол, мочится кровью. Ну я и потратил на него два Средних Исцеления. Они и расплатились даже... бочонком пива. Гуггенхайм оценил... – под укоризненным взглядом гномы я, кажется, понял, что в чём-то опять сглупил.

– Ох, мне, – маркитантка махнула на меня рукой и отвернулась, помогая спускаться из фургона младшим детям, – когда ты только Холиен поймёшь, что много денег не бывает, а за работу надо брать верную плату! Пива бочонок! Надо же! Выпить и поссать – вот и вся твоя плата, Целитель! Сам сказал, егеря по королевской надобности в тех краях обретались. А значит, при деньгах!

Мда, в такие моменты мне действительно было нечего сказать. Кругом права гнома. Не привык я ещё быть бережливым и помнить от том, что в этом мире, всё, что касается денег, побуждает хумансов тебя в первую очередь надуть, облапошить. А за проявленную жадность и скупость только прибавится уважения...

– Ладно, давайте устраиваться. Все устали, да и солнце садится. Холиен, не вздумай сам с трактирщиком об оплате договариваться! Соришь золотыми квартироном, как конюх опилками...

Нам достались две неплохие комнаты. Я, Гуггенхайм и Бруно заняли меньшую, с двумя широкими кроватями, а Хейген с младшими детьми – большую. Перекусили быстро, холодным

мясо с овощами и завалились спать. Я сам умотался сегодня так, что впервые богатырский храп Гуггенхайма ничуть мне не мешал.

Уже на грани сна и яви вернулся мыслями к разговору с гномой, в памяти всплывало то улыбающееся лицо Натиенн, то почему-то рыжая морда того королевского егеря с ушибленными яйцами, то телега с ящиком, похожим на гроб...

\* \* \*

Ух! Выспался знатно! И что удивительно, ни клопов, ни тараканов. Надо будет у хозяина спросить, как он такого добился. Может, травки какие...

Вот она, дороженька средневековая довела... отсутствие клопов уже за счастье почитаю. Аккуратно встал, чтобы не потревожить спящего на большей части кровати Бруно, раскинувшего руки и ноги в вольном полёте сквозь царство Морфея. Летает, наверное, во сне ещё пацан... Гуггенхайм, наоборот, свернулся в клубок, стацив на себя все имеющиеся в наличии овечьи шкуры. Его храп из-за всего этого вороха напоминал эхо в глубоком ущелье.

Постоялый двор хоть и находился в черте города, а из удобств была только отхожая яма на заднем дворе с подозрительно скользкими краями. Плюнул. Сделал свои дела, отступив от края на шаг, а результат смыл Водным Бичом. Мда, есть и такие преимущества у Грандмастера Магии Воды, однако.

Город уже проснулся, по улице, на которую выходили окна трактира грохотали тележные колёса, тачки крестьян из пригорода. Хейген говорила, что Тогенбург последний хумансовый город на нашем пути, дальше имперский тракт сворачивает на запад, а наша дорога в Пограничье.

По совету маркитантки мы выбрали для переноса к южным отрогам Срединного Хребта тот из больших порталов, что держали половинчики в своей столице Эмеральде. Гному и гоблина не пугал путь в триста лиг, так как альтернативой был имперский тракт, шедший до столицы Королевства Марантии по самой границе земель Светлых альвов. Соседство с остроухими в связи с событиями в Варрагоне не способствует спокойному путешествию.

Мои спутники решительно настаивали на совместном перемещении до самого Подгорного Королевства. Насмотревшись на то, что творили почитатели Великого Альва на вновь отвоёванных у хумансов землях, Хейген решительно отвергла мои аргументы о том, что уж древних-то остроухие не тронут. Помнится, закурив трубку, она задумчиво пробормотала:

– Альвы, может, и не будут мелочиться, но за ними Орда. А уж клыкастые своего не упустят. Тем более Чёрные... Как ты там таких называешь, Эс? *Обезбашенные отморозки...* Поэтому едем в Эмеральд. И точка!

Я умылся у поилки для лошадей. Ночью ещё раз прошёл дождь, и вода была чистой, пахла деревом и немного овсом. Отсюда были хорошо видны открытые настежь городские ворота, в которые понемногу вползала жиденькая колонна городских гостей. Сонные стражники взимали положенную плату. Вдруг воины засуетились, количество их как-то сразу увеличилось втрое.

В воротах показалась группа всадников в серых плащах, почти сливающихся цветом с мастью их лошадей. Один из них откинул капюшон и наклонился к начальнику караула, выделявшемуся начищенной кирасой, сверкавшей в лучах восходящего солнца, как новая серебряная монета.

Сержант что-то говорил всаднику, затем отошёл, отсалютовав палашом людям в плащах.

Делать было до завтрака решительно нечего, и я решил понаблюдать за этой группой, загадав про себя, останутся они или нет в нашем трактире... Ехали серые плащи друг за другом, смотря прямо перед собой, словно неживые куклы. Скачущий впереди незнакомец

постоянно вертел головой, словно кого-то искал. Когда странные наездники приблизились мне удалось рассмотреть их поподробнее.

Едущий, точнее, едущая первой, всадница оказалась брюнеткой с коротко остриженными волосами. Под плащом на ней был надет глухой черный камзол с высоким воротником-стойкой. Она ехала с закрытыми глазами! Голова её поворачивалась на длинной шее, а выражение лица было расслабленным, даже умиротворённым. Лошадь её шла лёгкой рысью, закусив уздечку. Хлопья пены падали из её оскаленной пасти на мостовую...

Во двор вышел Гуггенхайм в своём смешном ночном колпаке с вышитым бархатным полотенцем:

– Доброе утро, Эскул! – махнул мне рукой Алхимик и направился к поилке для лошадей. Я же продолжал внимательно следить за проезжающей кавалькадой.

Женщина с закрытыми глазами, проезжая ворота нашего постоянного двора, вдруг с силой натянула поводья и повернула голову в мою сторону. Глаза её были по-прежнему закрыты. На неестественно бледном лице, на правой щеке была видна татуировка, напоминающая многолучевую звезду.

Позади меня что-то грохнулось на мощёный булыжниками пол. Я обернулся. Гуггенхайм с глазами, напоминающими два куриных яйца, и отвисшей до груди дрожащей челюстью смотрел на остановившуюся у ворот брюнетку.

– Вы чего, мастер? – я подскочил к гоблину, хватая его за запястье, считая пульс, – плохо? Голова кружится? Дышать тяжело? Что?

– Ввиндикты Ковена... – едва различил я хрипящий голос Гуггенхайма, – старик всё-таки умудрился простудиться и его забитый нос делал невнятной речь. Я поспешно наложил руку на его переносицу и привычным толчком сознания активировал Малое Исцеление и Регенерацию. Нос Алхимика порозовел, а из глаз хлынули слёзы, которые он стал поспешно просушивать своим полотенцем и трубно сморкаться. Увлёкшись здоровьем Гуггенхайма, я на время позабыл о странных всадниках, кода позади меня раздался голос:

– Именем Ковена, Маг Целитель, предъяви патент Гильдии! – я медленно повернулся, отмечая, что повеление было произнесено неплохим грудным контральто.

Пока я возился с гоблином, во двор въехали все четыре всадника в серых плащах. Уже знакомая мне брюнетка, которая находилась сейчас немного в стороне. К счастью, с уже открытыми глазами. Передо мной, словно ангел во плоти, с безупречно правильными чертами лица, стояла Светлая альва. Я впервые видел в этом мире светлую эльфийку так близко... Хороша, чертовка! Не смотря на суровое выражение лица.

– Язык проглотил, квартерон? – из-за спины альвы выехали орчанка, с более тёмным, чем у Гергудрун цветом кожи, и женщина, очень напоминавшая своей внешностью Сонгара. Её белоснежные волосы были заплетены в три тугие косы, переплетённые фиолетовыми лентами.

– Да он в штаны наложил от страха! – шаранг ощерилась в хищной улыбке, – ты изгой, что ли, Целитель? Или глухой? Патент давай!

Я немного отошёл от неожиданности, постаравшись, чтобы Рунная Карусель не вырвалась на свободу. Что-то совсем мои нервы распатались. Рядом хрюкнул Гуггенхайм, продолжая во все глаза пялиться на необычных гостей.

– Простите, мастрессы, с кем имею честь? И почему я должен вам предъявлять свой Патент? – я слегка поклонился, стараясь говорить ровно и размеренно, глядя в глаза стоящей впереди альве.

– Великая Пустыня! Ты хочешь сказать, что не знаешь кто мы, квартерон? Из какой дыры ты вылез? – шаранг подала лошадь вперёд, чуть не наехав на меня.

Передо мной выскочил Гуггенхайм и залопотал скороговоркой:

– О, достопочтенные магессы! Кто не знает грозной славы Виндиктов Ковена! Всегда стоящих на страже справедливости и закона. Мы сейчас же предоставим все необходимые доку-

менты. Сию же минуту. Мой ученик побудет здесь, а я поднимусь в свою комнату, – старик стал пятиться, постоянно кланяясь. Я изумлённо смотрел на изменившегося гоблина. Проходя мимо меня, тот зашипел: «Молчи и пореже открывай рот, Эскул, почаще кланяйся, я скоро!» – и скрылся в дверях трактира. Ковен, значит, так-так...

– Смотри, как припустил, носатый! – орчанку откровенно развеселил Алхимик.

– Что делаешь в Тогенбурге, кварталон? – альва решила использовать время ожидания с толком.

– Еду со своими друзьями в Эмеральд. Хотим воспользоваться порталом до южных отрогов Срединного Хребта.

– Неблизкий путь... – всадницы незаметно обступили меня на своих конях, поминутно мотающих гривами, отгоняя утренних мух, – а откуда следуете?

– Из Варрагона, беженцы мы... – скрывать было незачем, имперский тракт был полон людей, бегущих от войны в более спокойные края.

Ведьмы переглянулись. Я отметил, что альва незаметно кивнула брюнетке с татуировкой на щеке. Голову слегка сжали невидимые тиски, потом немного сильнее. Заколело в ушах и затылке. Потом резко отпустило. Я продолжал стоять, как не в чём не бывало, сохраняя одну из своих глупейших улыбок на лице. Альва, глядя на недоумённое выражение лица татуированной Ведьмы, нахмурилась. И тут я не выдержал, добавив в голос столько участия, сколько смог:

– Что, девчонки, не получается?

## Глава вторая

У шаранг на ладонях вспыхнули небольшие пламенные протуберанцы. Орчанка, спрыгнув с лошади и хлопнув её по крупу, отгоняя в сторону, окуталась вихрем весело блестящих в солнечном свете песчинок.

В затылке снова закололо, а синие глаза Светлой альвы готовы были просверлить во мне дыру. Я решил не нагнетать и попытался успокоить начинавших всерьёз злиться Ведьм:

– Прошу простить, магессы. Неудачная шутка. Я с рождения нечувствителен к Магии Разума, – глубокий поклон в сторону растерянной брюнетки. Ничего, спина не переломится. Меньше всего мне теперь нужен конфликт с Ковеном. – Ещё раз прошу простить за непочтительность!

– Нечувствителен? С таким талантом и до сих пор не в Ковене? Что-то темнишь ты, кварталон... Руки держи на виду, красавчик! – шаранг продолжала горячиться.

Ситуацию немного разрядило появление мамыши Хейген. Растрёпанная гнома вылетела из дверей трактира, как снаряд из пращи. Видимо, Гуггенхайм вытащил её прямо из постели: маркитантка не успела заплести свои косы, поэтому напоминала большой рыжий одуванчик на толстом стебле.

– Это что же это делается, а?! – негодующая Хейген протиснулась между мной и обступившими виндиктами. В руках гнома держала тубус с моими бумагами, всю дорогу путешествующими в сундуке Гуггенхайма. Запоздалая мысль о перемещении этих важных документов в инвентарь только сейчас посетила мою голову. – Честного Целителя... уф! Магессы, как это понимать?

Светлая альва на мгновение смутилась от напора мамыши Хейген, но быстро нашлась:

– Виндикты Ковена никогда не дают отчёта в своих действиях простецам, гнома. Мы в своём праве. На наших глазах была применена Магия Жизни вот им, – она кивнула в мою сторону, – наши требования предъявить права на магическую деятельность справедливы...

– Хм, ну а лошадьми топтать квартерона-то зачем? Оскорблять? Подначивать? А? Никто ваших прав не оспаривает, Ведьмы. Попросили? Извольте получить, – маркитантка сунула под нос альфе кожаный тубус. Я едва сдерживал смех, хотя ситуация выглядела всё ещё опасной. Шаранг и орчанка погасили свои заклинания. Одна брюнетка, тихо улыбаясь, с умилением наблюдала картинку перебранки гномы и начальницы отряда виндиктов. Если бы не татуировка на правой щеке, эту Ведьму можно было назвать красавицей.

Светлая альва приняла тубус от гномы, едва сдерживая недовольную гримасу. Как же разительно эти магессы отличаются от рассудительной и компанейской Гергудрун! Даже вон землячка её волком смотрит. Магию деактивировала, но несознательно сжимает рукоять ятагана в седельных ножнах. Я стоял, стараясь не делать резких движений. Выхватить Ключи из инвентаря и активировать Щит Воды надо мной, Хейген и Гуггенхаймом было делом одной секунды. Всё же хотелось решить вопрос полюбовно.

Альва в это время развернула первый пергамент, шевеля губами. Шнуровка бумаг распустилась и печати магических Гильдий Варрагона повисли на кожаных закрепах. Орчанка и шаранг буквально впились в них взглядами. Да, было чем гордиться. Магия Жизни и Магия Воды. Мало кто из хумансов, да и из знакомы мне древних мог похвастать развитием двух, столь не связанных между собою, ветвей...

Альва развернулась к брюнетке, протянув руку:

– Альканзу! – татуированная ведьма извлекла из седельного мешка предмет, очень похожий на мою Сферу Преобразования. Матовый чёрный шар. Едва Светлая поднесла его к документам, на его поверхности проступили мелкие письмена. Альва кивнула, пробормотав

«достоверно», вернула тубус с пергаменами Хейген. Гнома недовольно стала упаковывать патенты отвернувшись.

– Грандмастер Эскул Ап Холиен, от имени Ковена приношу свои извинения, – слова Светлая выплюнула скороговоркой, – согласно кодексу, моя кварта ведёт розыск преступников, совершивших нападение на Ведьму Ковена. Астральный вестник и ментальный след, – она кивнула на брюнетку, – привели нас сначала в королевство Эдгара Жадного. Дальше следы тянутся по имперскому тракту. И, увя Грандмастер, одна из астральных меток имеет чёткие след вашей Магии Жизни. Вы лечили одного из преступников. Соболаговолите дать показания?

– Почему бы и нет, эээ...

– Ируинн, Мастер Воздуха, – коротко кивнула на мою заминку альва. Я обвёл глазами остальных Ведьм, – Трофгар, Мастер Огня, – я, наконец, увидел, как улыбается шаранг, – Гхализ, Мастер Земли, – орчанка перестала теревить рукоять ятагана, – Ариса, Видящая Суть, – голос татуированной брюнетки был тем самым будоражающим контральто.

– Великолепно. Вот и познакомились. Может, решим наши вопросы за завтраком, дорогие Ведьмы? – улыбайся, Эскул, улыбайся! Начинай зарабатывать бонусы перед Ковеном. Я уловил немного удивлённый взгляд Хейген и подмигнул ей.

– Да, да, мастресс! – повеселевший Гуггенхайм взялся помочь Ведьмам с лошадьми.

По требованию виндиктов для них накрыли отдельный стол, куда я и был приглашён. Мои домашние расположились в противоположном углу зала. Малышня вертелась и подхихкивала, сверкая любопытными глазками из-за высоких спинок дубовых стульев. Пока мамаша Хейген не навела порядок парой затрещин. Не видно было только долговязого Бруно.

Ведьмы расположились на лавках, сняв плащи и отстегнув оружейные пояса. Пока каша доходила в печи, служанка принесла нам топлёного молока с сушёными яблоками, которым гости отдали должное.

– Грандмастер, – альва приступила к делу, едва оттерев молочные усы кружевным платком, – при ваших знакомых мы не стали вдаваться в подробности. Наша кварта уже частично расследовала преступление против Адепта Ковена. К сожалению, мы прибыли довольно поздно. Я прошу вас, расскажите, каким образом вы столкнулись с интересующим нас фигурантом?

– Мастресс Ируинн, я так понимаю, что вы имеете в виду того королевского егеря, что я лечил в придорожном трактире около недели назад?

– Да, именно, мастер Холиен. Нас интересуют все подробности того дня. Если можно.

– Ну, день как день. Трактир обычный, грязноват изрядно. Въехали мы после полудня. А егеря эти, вроде бы уже поздно вечером. Я спустился на ужин. В это время Бруно, старший сын гномы, что приносила вам документы, сидел за столом с компанией егерей и ещё каких-то мужчин военного вида в чёрной коже. Насколько я мог заметить, они выпивали и играли в кости. За ужином Бруно подошёл ко мне и попросил помочь одному из его новых приятелей. Тот жаловался на боли и распухшую мошонку, простите за подробности. То ли кабан его сбил с ног, то ли лось копытом ударил... Сами понимаете, мужчины не очень любят выдавать такие подробности даже Целителю, – я заметил, что все Ведьмы очень внимательно меня слушают, даже орчанка перестала жевать, – ну, просьбу я этого парня выполнил. Его звали... Ганс? Георг? Хм... не помню, Бруно лучше знает. Я его полечил. Отёк и боли прошли сразу, но егерь всё равно был чем-то недоволен, хотя и расплатился целым бочонком пива.

Альва переглянулась с татуированной брюнеткой. Та молча кивнула. Это что же, эти Ведьмы мне тут ещё и детектор лжи устраивают? Серьёзные тётеньки. Хорошо, что с этой историей я краем разошёлся. И, надеюсь, это они уже поняли. Орчанка Гхализ встала и водрузила на стол захваченную с собой седельную сумку. Неужели и эта сейчас какой-нибудь магический агрегат оттуда достанет? Но клыкастая, запустив в мешок руку по самое плечо, пошарила там и вытащила, держа на весу... голову, которую тут же, скалясь, водрузила на одно из блюд. При

внимательном рассмотрении я понял, что часть тела принадлежит тому самому егерю, у которого я лечил... Неважно что, но теперь оно ему без надобности. Трудно пользоваться яйцами, не имея головы на плечах.

Я обошёл стол, наклонился над блюдом понюхал голову и тронул пальцами срез. Прделано, нужно сказать, было мастерски. Если этот срез сделан одним ударом... снимаю шляпу.

– Узнаёте, мастер Холиен? – Ируинн кивнула на голову.

– Да, это тот самый парень.

– Что ж, спасибо за помощь, мастер. Больше ничего вы в том трактире необычного не видели?

– Ммм... да, вроде бы ничего. Хотя, постойте. Утром, когда мы отъезжали... Да, да. Я, помню спросил, ради чего рыщут по местным лесам королевские егеря... Точно! Там ещё на телеге был длинный ящик, похожий на гроб. Не помню, кто мне ответил, что егеря и королевские гарды поймали главаря шайки местных разбойников...

– Мда... – Ируинн задумчиво побарабанила по столешнице тонкими пальчиками, затем на что-то решившись, громко щёлкнула ими, – ладно, Холиен, перестану ходить вокруг да около. Вы, конечно, нам помогли немного восстановить общую картину. Я расскажу то, чего вы не знаете. Может, ещё что-нибудь вспомните. Астральный вестник привёл нас в лес в двадцати лигах от столицы королевства Эдгара Жадного. Там было совершено нападение на Ведьму Ковена и её спутника. Судя по следам и характеру ранений найденного трупa, Посвящённый, отвлекая на себя часть погони, пал, защищая Адепта.

– Это был настоящий воин! – перебила орчанка, – да отведут его Духи в лучший из миров! Он уложил пятерых егерей и двоих гардов! Без всякой магии...

– Да, Гхализ права, телохранитель сражался достойно. Но против арбалетного залпа мало кто устоит, – продолжила Ируинн, – Ведьма же ушла астральной тропой... По косвенным признакам мы поняли, что в отряде загонщиков были маги. Нелегальные маги, Холиен. Изгой. Именно поэтому мы так настороженно отнеслись к вам. Тёмный кварталерон мимоходом сотворяет заклинания исцеления уровня Грандмастера! Простите великодушно, – альва коротко поклонилась. – Но тела Ведьмы мы так и не нашли. След королевских егерей прервался у ворот королевского замка. На наши требования предоставить этих людей для допроса, управляющий Венором сообщил, что в замке никого из егерей нет, что они отбыли с королём на границу с соседним герцогством. Согласно кодексу, мы не можем без разрешения вторгаться в частные владения хумансов без соответствующего рескрипта Совета Ковена. Но виндикты умеют ждать. Через три дня мы перехватили нескольких егерей, спешно уходивших ночью из замка. Среди них был и Густав, – альва красноречиво стукнула голову по макушке. – К утру мы знали почти все подробности. Король приказал выкрасть одну из нас по заказу Тёмных альвов, кому и передал её в замке. Я почти уверена, что никаких следов пребывания в Веноре её уже нет. Мы следуем к ближайшему порталу. Нужно отправить весть в Совет. Необходим вердикт для предъявления королю претензии и с Тёмным тоже что-то нужно делать. Слишком сложные с дроу у Ковена отношения... Потом мы вернёмся в окрестности Венора и будем ждать вторую квартиру. Мы перетряхнём там все закоулки, но найдём мастресс Гергудрун!

– Кого?! – меня бросило в жар, – Гудрун?

– Да, эту Ведьму и захватили Тёмные...

– Проклятьё! – я шарахнул по столу не сдержавшись. Хейген, Гуггенхайм и дети дружно повернулись к нам, настороженно замолчав, – комок подкатил к горлу, я сглотнул, ставшей вязкой, слюну, – а... погибший телохранитель... его звали Зоррах?

Орчанка и альва подобрались, словно были готовы броситься на меня:

– Откуда ты их знаешь, кварталерон? Говори!

– Зоррах, Зоррах... смерть догнала тебя, учитель... когда меня не было рядом... – я не слушал Ведьм, что-то пытавшихся у меня спросить. Кровь прихлынула к лицу...

– Успокойся, Холиен! Всё... всё... Эс! Его не вернёшь, а Гудрун, возможно, ещё жива! – я очнулся, ощутив потоки воды на своём лице. Сидел почему-то на полу таверны. Вокруг, кроме Ведьм, стояли Гуггенхайм с детьми, а Хейген нещадно хлопала меня по щекам. Я схватил её за запястье и посмотрел в заплаканное лицо гномы:

– Я найду её, Матильда, живой или мёртвой!

– Грандмастер, вам следует контролировать себя лучше, – Гхализ протянула мне руку, помогая встать одним рывком. Я огляделся вокруг. Стол, за которым мы сидели представлял жалкое зрелище: груды щепы и дров, с прожжёнными отметками в виде рун, – мастресс Гергудрун гордилась бы таким учеником. Хорошо, что пострадал только стол, – орчанка улыбнулась. И почему-то именно от улыбки этой Ведьмы, так похожей на Гудрун, мне стало спокойнее.

– Когда вы отправляетесь в Веннор, Ируинн?

– Погоди, Эс, не горячись. Адепты же объяснили, что искать Гудрун в Венноре бесполезно. Да и простыми блужданиями по лесам ты вряд ли что сможешь найти, кроме приключений на свою многострадальную задницу, – как всегда, рассудительный голос маркитантки отрезвил меня, – пусть Ведьмы делают своё дело, они этому обучены, ведь так, мастресс Ариса? – Видящая Суть кивнула улыбувшись. Странно, но на татуированном лице это выглядело скорее как гримаса.

– Гнома права, – вмешалась Ируинн, – мы сами быстрее выйдем на след. Вы сказали, что едете в Эмеральд. Предлагаю встретиться там через три седмицы. Наш сводный отряд будет нуждаться к тому времени в большом портале. Там и решим, объединить наши силы или нет. Земли Тёмных находятся очень далеко, возможно, придётся для начала посетить Долину Справедливости. Но обещаю вам, Холиен, что предоставлю всю информацию по поиску Гергудрун. Обещайте, что не будете предпринимать опрометчивых действий, Рунный Мастер! – альва встала, а за ней и остальные Ведьмы.

– Погодите, мастресс, прежде чем вы отправитесь... может, спросим ещё и Бруно. Он ведь долго общался с егерями, пил, в кости играл. Чем Рандом не шутит? Иногда люди в дружеской беседе говорят то, чего не произносят под пыткой... – я кивнул на голову Густава, сиротливо закатившуюся в угол после моего магического удара по столу.

– Хм, пожалуй, стоит спросить, – альва обвела глазами моих друзей, – где этот ваш Бруно?

– Тоша! – Хейген развернулась к дочери, – белкой наверх, и чтобы через десять вздохов этот соня стоял здесь! Быстро! – девочка кивнула и птицей взлетела по лестнице, только и мелькнули рыжие косички.

Возникло неловкое молчание. Я тихо подошёл к Гуггенхайму:

– Мастер, пока не забыл, – я старался говорить вполголоса, – напомните мне потом спросить вас об Астрале, что постоянно упоминают Ведьмы, – Алхимик вскинул на меня удивлённые глаза:

– Эскул, ты что, не посвящён в знания о структуре мира? О, Подгорный, стыд то какой... неуч-Грандмастер...

– А вы на что у меня, учитель. Вот и осветите этот вопрос...

– Мама! Мастер Холиен! Что-то не так с Бруно, я его бужу, бужу... а он... – белая как полотно Тоша стояла на лестнице, растерянно разводя руками.

– Ну я ему! – маркитантка, достала из-за голенища плеть-семихвостку, – нашёл время шутки шутить...

– Погоди, я с тобой, – что-то изнутри подтолкнуло меня последовать за гномой.

В нашей комнате на кровати, в той же самой позе, как мы с Гуггенхаймом его оставили, лежал Бруно. Я первым подошёл к сыну гномы, гневное сопение которой раздавалось за моей спиной. Первый осмотр почти ничего не дал. Парень действительно спал глубоко, делая не более четырёх-пяти вдохов в минуту. Сердце билось ровно и размеренно. Роговичный и рес-

ничный рефлекс отсутствовали. Надо же, не забыл ещё, руки действовали по привычному алгоритму. Если мы находились не в Небытии, то я бы сказал, что Бруно пребывает в глубокой стадии наркоза.

– Ну, что с ним, Эс? – гнома, видимо, уже поняла, что никаким розыгрышем тут не пахнет, голос её выражал крайнюю степень тревоги.

– Пока не знаю, Хейген. Единственное, что могу сказать, он жив и практически здоров, насколько я могу судить. Но находится в глубоком... необычном сне.

– Зачарован, что ли?

– Не знаю, Матильда...

– Нет, он не зачарован и морока на нём нет. Здесь вообще нет следов никакой магии! – от неожиданности я чуть не подпрыгнул. Татуированная Ведьма подкралась незаметно. В комнату вошли виндикты в полном составе. – Астрал чист, струны не нарушены. Тело вашего парня живое, но нет никаких признаков душевной ауры... Обычно у каждого живого она сияет на свой лад, а здесь... едва теплящаяся искра, – фигура Видящей Суть вдруг подёрнулась дымкой и размазалась в воздухе, став прозрачной и едва видимой. Ведьма склонилась над Бруно, будто погружаясь в его тело. Ещё мгновение – и Ариса вновь приобрела материальность. – Да, мастер Холиен, я впервые сталкиваюсь с этим...

– Погодите! Мне пришла в голову мысль. Чего мы тут выясняем почему, да отчего? А если просто попытаться применить Магию Жизни?

– Гхм... вреда точно не будет, – Видящая Суть отступила от кровати.

– Давай уже, Эс, не стой столбом, умоляю... – побледневшая гнома всё ещё вертела в руках ненужную сейчас плеть-семихвостку. Я почувствовал, как остальные свидетели затаили дыхание. Я вынул Сферу Преобразования из инвентаря, заметив, как вскинула брови Видящая Суть. Хм, поменьше бы таких демонстраций. Привычно засветились ладони. Теперь, с отсутствием интерфейса стали появляться новые визуальные эффекты применения магии. Не стал мелочиться. Два Средних Исцеления и две Средних Регенерации заставили уровень маны в Сфере едва дрогнуть. Бруно даже не пошевелился. Ну давай же, Великий Рандом, в чём это парень виноват? Что за хрень?!

Я плюнул, обозвав себя внутренне остолопом. Рунный Мастер Ключей закружил метель золотистых магических знаков над моей головой и кроватью. Я каскадом активировал Исцеление, Регенерацию, Преображение, Очищение и на закуску – Возрождение!

Сфера Преобразования опустела в одно мгновение, пол и потолок перед моими глазами заплясали ходуном. На коже резкой болью вспыхнули все места с нанесёнными татуировками. Я глухо завыл, стиснув зубы.

Очнулся от осторожного похлопывания по плечу:

– Грандмастер Холиен! Грандмастер Холиен! – Светлая альва придерживала меня под локоть с одной стороны, с другой плечо подставила Видящая Суть, – с вами всё хорошо?

– Дда, слабость просто... что Бруно?

– К несчастью, Грандмастер, никаких изменений... – татуированная Ведьма повернула меня к кровати, чтобы я мог увидеть результаты своих заклинаний. Парень так и лежал не шевелясь. Кожа его была чуть более розовой, или, может, мне так хотелось это увидеть. Рядом, опустив от безысходности руки, сидела Хейген, близнецы и Тоша притихли рядом с ней.

Старая, срубленная из соснового горбыля, кровать пустила множество зелёных побегов, врастающая ножками в деревянный пол, вспучившийся от бугрящихся корней.

Ведьмы усадили меня на свободную кровать. Силы медленно, но верно возвращались. Проходила противная дрожь в пальцах.

– Я думаю, проблема не в его жизненных силах или здоровье. Это не болезнь, мастер Холиен, – Видящая Суть взяла меня за руки, присев напротив, – его надо отвезти в Долину.

Что-то мешает его расколотой душе вернуться в тело. Там много Адептов Разума, мастер, они помогут!

Я оглянулся на мамашу Холиен. Взгляд её умоляющие глаз сказал мне всё.

– Мастресс Ируинн, вы сможете захватить нас с собой из Эмеральда?

– Безусловно, мастер Холиен!

– Ты можешь отправить нас с Ведьмами, а сам доехать до южных отрогов Срединного хребта. Мы будем ждать тебя в Долине Справедливости, – высохший от горя голос Маттенгельд Хайгуриин был непреклонен.

– Спасибо, Матильда! – я был очень признателен.

Виндикты долго не собирались. Едва мы договорились о дополнительных местах встречи в Эмеральде, Ведьмы, оседлав своих лошадей, уехали к городским воротам.

Нам тоже не следовало задерживаться. Непривычно молчаливые дети быстро собрались и уже через полчаса фургон катил по улицам Тогенбурга, стараясь до полудня покинуть этот город, посещение которого так печально закончилось для нашей компании.

Тело Бруно было тщательно уложено на несколько слоёв шкур с войлочными валиками, а Тоша строго проинструктирована, как следует и с какой частотой поворачивать его. Ей же я объяснил, как обтирать травяным настоем кожу в нужных местах каждый вечер. Магия магией, а пролежни ещё никто не отменял. Ну и с физиологией у тела Бруно всё в порядке, само собой.

Часа два ехали почти не разговаривая. Почти как на похороны...

Я решил отвлечь мамашу Хейген от мрачных мыслей, подключив Гуггенхайма:

– Мастер, вы обещали рассказать об Астрале. Думаю, самое время. До заката ещё несколько часов. Стоит восполнить столь постыдный пробел в моём образовании.

Гоблин пожевал губами, хитро глянув на меня, затем на сгорбленную спину гномы на облучке и незаметно кивнул:

– Что ж, Холиен. Слушай внимательно. Не знаю, почему ты, владея столь грозными силами и мощными заклинаниями, не пользовался основными источниками маны нашего мира...

– Погодите, мастер. А эликсиры? Вы же первое, чему научили меня в Варрагоне, это изготавливать эликсир маны. Я этих пузырьков наколдовал... тьму тьмушую!

– Эх ты хватил, Холиен! Алхимическая мана – самая простая. Да вот сколько ты её себе в карман напихаешь? Или вон в перемётную суму? А? А сколько маны расходуется на мало-мальски серьёзное заклинание? А? Во-о-от!

Я не стал возражать Алхимику, приводя в пример мой инвентарь. Такие вещи лучше хранить втайне... Он, конечно, свой в доску гоблин. Но случаи бывают разные.

– Мана она везде, Эскул. Весь мир пронизан струнами Астрала, узлы которых накапливают ману, рассеянную в окружающем нас пространстве. А узлы те называются Средоточиями. Места, где расположены Средоточия, очень важны для каждого, кто выбрал путь магии. Там можно восполнить как свой личный резерв, так и вот такие безделушки! – гоблин указал на почти пустую Сферу Преобразования, болтающуюся у меня на поясе.

– Так, так, а вот здесь поподробнее. Где, как и каким образом находить эти Средоточия?

– Эх, торопыга ты Эс! Этому, как и любому искусству, следует учиться. Вот, к примеру, Астрал. Как думаешь, что это такое?

– Ну, не знаю, параллельное пространство, место, через которое проходят струны маны, вы сами сказали, мастер...

– Хм... мда, думал, что объяснить тебе это будет просто. А начал... не совсем так. Астрал – то же мир, но не однородный. Он, как многослойный пирог, с разными начинками. Девять горизонтов составляют его каркас, как девять этажей у дворца, про которые рассказывают выходцы из южных стран. Но и нельзя сказать, что горизонты расположены один над другим. Нет. Они словно ярмарочная игрушка-головоломка, один в другом и все в едином...

– Ффу... ну ты меня совсем запутал, Гуггенхайм, – я скопил глаза на Хейген. Гнома прислушивалась к нашему разговору. Это уже хорошо. Хоть немного отвлечётся от невесёлых мыслей.

– Понимаешь, Холиен. Рассказывать про Астрал – дело почти безнадежное, его надо прочувствовать всем телом, всем естеством мага. На самом деле, мало кто в просвещённом мире знает, что происходит на уровне даже третьего горизонта Астрала. Первый горизонт – это струны и Средоточия, второй – вотчина Портальных магов, третий и четвёртый – слухи и легенды рассказывают об Архитекторах и Конструкторах Астрала, в некоторых проявлениях равных самим Богам... Как по мне, это уже сказки!

– А как же Видящие Суть?

– А, ты об этой ищейке из Ковена? Да, маги Разума могут заглядывать в первый горизонт и отслеживать путь продвижения любого смертного в тварном мире, находить Средоточия и струны, посылать по струнам астральных вестников... но и только.

– Как по мне, так очень даже немало...

– Ох и жадный ты, Холиен, до знаний и умений... настоящий кварталон!

– Это вы меня сейчас так оскорбили, мастер Гуггенхайм?

– Нет, Эскул, конечно же, нет. Давно живу на свете. Дураки в чистой крови истинную силу древних видят, а магия она всё больше, наоборот, подарки обычным простакам раздаёт... Иногда я думаю, что маной наш мир не боги отметили, а это земля позволяет детям испить крови своей, дабы стали они мудрее и бережливее...

## Глава третья

Рассказ Гуггенхайма перевернул в моей голове всё с ног на голову. А может, и с головы на ноги. Похоже, я стал осознавать всю глубину своего дилетантского подхода к магическому искусству Небытия. А откуда было взяться академическим знаниям? Прыжки из одной Игры в другую, геймерский, а затем, хранительский интерфейсы с их упрощённой системой заклинание-иконка-мана... Откуда было знать про какой-то там Астрал?

– Эх, будь здесь Гудрун, она растолковала бы тебе, неучу? гораздо лучше меня, старого Алхимика, – вздохнул Гуггенхайм.

– А что, Ведьма была способна работать с Астралом?

– Орчанка умела входить в первый горизонт, посылать астрального вестника и даже настраивать порталы! – долгое угрюмое молчание мамыши Хейген, к нашей радости, прервалось раздражённой тирадой за честь подруги, – вот ты, Холиен, тоже Рунный Мастер, а до сих пор не знаешь, что руны – ключи к Астралу и его горизонтам, без составления правильной фразы не откроется ни один портал! Хоть ты трижды Грандмастер-порталист!

– Истинную правду говоришь, Матильда! – Гуггенхайм радостно подмигнул мне. Удалось-таки отвлечь маркитантку от тяжёлых мыслей. – Рунный код, Эскул, – это древний язык, оставленный нам в наследие первыми хозяевами Небытия. Не было ни старших, ни младших народов, хумансами и не пахло на земле, когда Первые создали этот мир и привели в него, минуя горизонты Астрала, альвов, гномов и орков...

– Погодите, учитель, а как же остальные? Гоблины, например, – я затаил дыхание. Ничего подобного Хранители мне не сообщали. Да и Киса-Безобразник ни о каких прописанных в легенде виртуальности Земли-2 «Первых» ни словом не обмолвился. Что это? Адаптация истории реального мира к легендам, искусственно втиснутым в Игру? Голова кругом...

– Гоблины и все младшие народы были созданы Первыми уже здесь, в Небытии...

– Потрясающе... и, конечно, по образу и подобию Первых?

– Почему? Что за глупость, Эскул? Творцов никто никогда не видел. Мощь и сила этих существ недоступна нашему разуму... – Алхимик всплеснул руками, – для защиты и помощи Первые наделили старшие народы своими Аватарами: Великий Альв, Подгорный, Единый Дух Орков. Их и младших творцов мы и почитаем за Богов этого мира...

– Мда... как у вас тут... сложно-то.

– Ничего, Эс, привыкнешь, – Хейген остановила повозку, – глядишь, и сам кого из Богов почитать станешь. Жизнь у тебя длинная... – гнома соскочила на землю и постучала по борту фургона рукояткой кнута, – встаём, сони! Привал, пора лошадям поить, да и самим подкрепиться не мешает. А то у меня от ваших с Эскулом разговоров, Гуггенхайм, уже в животе бурлит. Давайте-ка все за сушняком, вон его вдоль ручья сколько. Да с запасом собирайте, дальше всё перелески да балки, на дай Подгорный, дождь опять зарядит. Попреем все. От мастера Эскула только и пользы что на войне... Тьфу!

– Это отчего же? – сделал я обиженное лицо.

– Сам смекай, квартерон, – маркитантка распрягала лошадей, – земли хумансов скоро закончатся, а там и Великая Степь до самого Танграиса, орочьей реки. Твоя Водная Магия разве что коней напоить поможет. А костёр развести? Погреться да похлёбки сварить – дров не напасёшься...

Ох, и права, гнома. Хоть и привереда. В степи отсутствие топлива станет проблемой... Стоп. Дурья башка! Нас же здесь целых два Алхимика. Что мы, спиртовую горелку не смастерим? Шашлык на ней, конечно, не пожаришь, но супчик или кашу вполне. Так, что-то тупеть ты, Эскул, начал... Давай двигай за дровами, пока только на это твоих способностей и хватает.

Разозлившись на свою беспечность не на шутку, рвану, словно молодой лось вдоль ручья, ломая и прихватывая старой верёвкой сухостой. Вязанка хвороста росла быстро, пот лился ручьём, мозг продолжал обдумывать полученную от Гуггенхайма информацию.

Итак, на сегодняшний день в моём активе мощные заклинания Магии Воды, Жизни и Разума. Правда, после варрагонской операции и полного исчезновения интерфейса попробовать их в полном объёме не представилось возможности. Как бы не попасть впросак, Грандмастер. Встречи в долгой дороге нас ждут с самыми разными обитателями этих земель. Степные Орки, сдаётся мне, необязательно все будут такие, как Зоррах. Уж, как водится. Дорога она всегда притягивает то разбойников, то ещё какое-нибудь отребье.

Я-то ладно, убьют – воскресну! А Гуггенхайм, Хейген, дети... Мда... Прав был Сонгар... Неприятное напоминание о собственной уязвимости больно царапнуло самолюбие.

Значит, что? Правильно, надо эти переменные из уравнения убирать при первой возможности. То есть, сделать так, чтобы маркитантка с детьми и Алхимик обрели новый дом. Но тут встаёт проблема с состоянием Бруно. Значит, как ни крути, а до самой Долины Справедливости переменные остаются на своих местах. Следовательно, мастер Холиен, будь любезен, разбейся в лепёшку, а навыки свои боевые улучши. Надо прекращать появившуюся привычку спать после обеда на привалах. Да и ночами спать можно поменьше. Обленился, Эс, ох и обленился! Сама судьба тебе намёки посылает. Нельзя расслабляться! Случай с Гудрун и Зоррахом тому подтверждение.

Вот, соберу хворост, выберу полянку и вспомню всё, что в меня Модиаан с Сонгаром вколачивали. Если боевая магия мне изменит, то честная сталь не подведёт... Оп-па!.. Похоже, тренировка сама ко мне пришла...

– Аррр... – я замер не двигаясь. Мыслитель доморощенный! Утопал вдоль ручья почти на пятьсот шагов. Философ, мать твою... Собрал дровишек... Я старался не двигаться и не моргать. И очень хотелось стряхнуть липкое накалившее чувство дежавю. От пологого берега ручья, делавшего в этом месте крутой поворот, на меня, не мигая, смотрел огромный чёрный Парсум, замерший с передней поднятой лапой.

Зверь был огромным. Просто чудовищно большим! Парсум, которого я встретил в свой первый день в Небытии, мог бы показаться всего лишь трёхмесячным котёнком по сравнению со стоявшим передо мной чудовищем. Рукояти Ключей скользнули в ладони почти бесшумно. Зверь только мотнул лобастой башкой в ответ, и, грациозно подняв морду к солнечным лучам, пробивавшимся сквозь ветви деревьев, сладко зажмурился, встопорщив шикарные усы.

Я аккуратно перенёс центр тяжести на выставленную вперёд правую ногу. Перекинутая через плечо верёвка с вязанкой хвороста предательски соскользнула, и все мои дрова с грохотом рассыпались за спиной. Замер, сдерживая шумное дыхание и готовый в любое мгновение активировать Водный Бич. Во владении этим заклинанием я был достаточно уверен, так как пользовался им по назначению и не только, последние несколько недель.

Парсум вновь уставился мне в лицо, разинув розовую пасть с синеватым языком и бело-снежными острыми зубами. Я же, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от хозяина этих мест. С тихим шорохом кусты рядом с чёрным зверем раздвинулись и рядом с первым встал второй, не менее опасный, чем первый...

Тени и солнечные лучи играли на блестящей антрацитовый шерсти в чехарду. Кошки синхронно переступили лапами. Мне удалось на некоторое время заставить себя оторвать взгляд от ярко-жёлтых глаз. Возможно, зря я был успокоен тем, что хищники всё ещё не предпринимали попыток напасть. Взгляд зацепился за какое-то несоответствие, лишнюю деталь на спинах Парсумов. Вертикально ниспадавшие сверху, как у ивы, густые ветви неизвестного дерева своими длинными листьями доставали до чёрных спин. Вот одна из кошек сделала небольшой шаг вперёд, тут же нависнув надо мной.

Я почувствовал знакомый резкий запах мускуса, показалось, что ощутил металлический привкус горячей крови во рту. С замиранием сердца я углядел в зыбкой тени трепещущей листы наездниц, что приникли к спинам гигантских Парсумов. Гибкие ветви плакучего дерева накрывали их, словно живые плащи из зелёных перьев.

Изящные, тонкие и, без всяких сомнений, женские тела покрывала плотная серо-зелёная кожа, с равномерным ячеистым рисунком и чёрными тенями на складках. По-птичьи резкие движения головы на длинной шее, поблескивающие огромные глаза с косым разрезом, занимавшие добрую половину лица – первое, что на чём останавливался взгляд у прекрасных незнакомок.

Длинные прямые волосы лесных дев чернотой и блеском могли поспорить с шерстью кошек, что продолжали вести себя так, будто в этом мире их ничего не интересует. И тем не менее, от этих зверей веяло вполне ощутимой угрозой.

Обе наездницы внимательно всматривались в моё лицо, затем их интерес вызвали Ключи Матери и Сына. Видимого оружия у всадниц на Парсумах я не заметил, из одежды же были только пояса из плотного материала, похожего на войлок, со множеством петель, шнурков и узких полос кожи, образующих своеобразную юбку. В наше молчаливое противостояние ворвался встревоженный голос Тоши:

– Мастер Холиен! Мастер Холиен! – девчонка выкатилась из кустов с непомерно большой вязанкой хвороста. В рыжих волосах её застряли мелкие веточки и сухой лист. Увидев наездниц на Парсумах, дочь Хейген резко остановилась, побледнела так, что стали видны все её многочисленные веснушки. Рот, собиравшийся снова произнести моё имя, так и остался широко открытым. Но, следует отдать должное её находчивости и отваге, очень быстро пришла в себя, яростно зашептав и вцепившись в рукав моей кольчуги:

– Мастер Холиен! Мастер Холиен! Это же дриады! Мама говорила, что здесь где-то граница их владений... Спрячьте оружие, они этого не любят! – я последовал совету девочки, посчитав его вполне резонным. Прямой враждебности, встреченные мной существа так и не проявили.

Едва Ключи исчезли в инвентаре, из чащи вышли ещё три представительницы лесного народа. Такие же тонкие и изящные, ростом мне почти по плечо. Новые гости были вооружены.

Тонкие длинные копья с вычурными плетёными наконечниками и полированными древками выглядели сделанными целиком из дерева. Одна из вновь появившихся подошла ко мне вплотную и, глядя снизу-вверх, что её ничуть не смущало, произнесла:

– Отпусти детёныша, недоальв... Пусть возвращается к дому на колёсах из мёртвого дерева... Нам нет дела до ваших жизней, пожиратели падали... Она приглашает только тебя...

– Хм, польщён, конечно. Но мы спешим в Эмеральд по своим делам.

– Клянусь Эвридикой, мы надолго не задержим тебя, недоальв. Дети ночи проводят вас быстрой тропой до границы со Степью, – дриада не отводила от меня своих огромных глаз. По её бесстрастному лицу что-либо трудно было разобрать.

– Мастер Холиен, соглашайтесь! – торопливо встряла Тоша, – дриады никогда не обманывают и никогда не заговаривают с теми, кого собираются убить...

– Что ж, это вселяет оптимизм. Беги к маме, объясни всё. А я последую приглашению. Похоже, что в этом мире у меня так и не выдаться ни одной спокойной недели. Только собирався начать правильную жизнь... Теперь снова дожидаться понедельника.

Ручей мы перешли вброд, благо вода едва доставала до колен. Смешно было наблюдать за Парсумами, остановившимися посреди русла, чтобы напиться. Розовые языки, величиной с лопату, почти без всплесков мелькали с завидным ритмом, в такт великолепным хвостам, подрагивающим своими пушистыми кончиками.

Наездницы терпеливо ожидали пока звери напьются. Я же, воспользовавшись открытым местом и хорошим освещением, продолжал жадно рассматривать лесных спутниц, находясь у них за спиной. Впервые я встретил народ, вызывающий у меня поистине эстетическое наслаждение.

Несмотря на небольшой рост, пропорциям дриад могли бы позавидовать лучшие модели моего времени. Резкие повороты головы диссонировали с гибкими, текучими, почти змеиными движениями туловища. Особенно это было заметно, когда дриады меняли позу во время поворотов или когда нагибались.

Кроме юбки из кожаных полос, лесные обитательницы носили что-то вроде тяжёлых ожерелий из стеблей трав, плетённых с таким искусством и изяществом, что они казались живыми.

После водооя и перехода через ручей мои спутницы пошли быстрее, скользя между стволов деревьев и кустарников так стремительно, что я едва поспевал за ними. Весь наш путь проходил в полном молчании, лишь треск сучьев под моими сапогами, да возмущённый птичий гомон позади меня нарушали окружающую гармонию. Что поделать, Рейнджер Светлого Леса остался в другом мире. А здесь я хоть и квартерон, но пока, по сути своей, всего лишь, неумелое дитя города.

Смешанный лес незаметно сменился высокими исполинами, стволы которых обвивали мощные лианы, толщиной в локоть. Стволы многометровых деревьев имели тёмно-фиолетовый оттенок, в нередких трещинах застыла смола рубиново-красного цвета. Феерическая гамма самых необычных запахов ошеломительно ударила в нос. Сладко закружилась голова...

– Возьми, недоальв, – одна из дриад протянула мне на ладони пучок бурой травы, – пожуй, не то зов леса отправит тебя за Грань.

Я послушно взял слабеющей рукой предложенное противоядие и поспешно запихал за щёку, стараясь тщательно работать челюстями. Терпкая и горькая слюна тут же наполнила рот. Я сглотнул. Эффект был сродни чашке крепкого кофе после долгой и утомительной ночи. Но усиленный в десятки раз. Таким свежим и бодрым не чувствовал себя очень давно! Ай да дриады! Надо бы прикупить у местных этого зелья... только обязательно поспрашивать о побочных эффектах. Как бы не нарваться на зависимость...

Ещё через полчаса по моему внутреннему ощущению мы вышли к поляне, где несколько исполинских фиолетовых деревьев сплетались корнями и стволами в гигантский амфитеатр. Лианы образовывали ячеистую сеть вместо крыши, а в промежутках тут и там мелькали головы и тела дриад. Сколько же их тут?! Настоящий муравейник...

Кажется, травка дриад оказалась с сюрпризом. Куда подевались всякие сомнения и страхи? Я вышагивал с улыбкой счастливого дебила на лице. Не хватало только ниточки слюны на оттопыренной нижней губе. Мне нравилось всё вокруг, а какие серо-зелёные девочки вокруг! Просто праздник какой-то!.. Бррр... Я представил себя со стороны.

С тяжёлым вздохом скастовал Очищение. А как бы было здорово пробывать в этом состоянии часик-другой... Уф! Великий Рандом... Отпустило. И, что характерно, голова осталась ясной. Видимо, своё блокирующее действие на местные усыпляющие-умертвляющие газы травка выполняет сразу, а эйфория – это побочный эффект.

Пока меня вели к небольшой поляне у корней сплетающихся фиолетовых исполинов, в голову пришла интересная аналогия. Гарпии, с которыми я столкнулся в Варрагоне до моего вмешательства представляли собой сплошь женских особей. Неужели и дриады такие же? Хотя, если вспомнить представление об этом народе в мифах и легендах, перенесённое в сценарии земных игр, отличалось довольно оригинальным характером. Не помню точно. Вроде бы рождались дриады из крови Богов, толи, вообще, из деревьев...

На поляне нам встретилась группа дриад, усевшихся в кружок. На них помимо юбок и ожерелий были надеты лёгкие накидки из настолько тонкого полотна, что казалось, будто они облегают каждый изгиб великолепного тела, словно перчатка пальцы.

Подойдя ближе, я отметил, что в центре, на подстилке из шевелящегося тёмно-бурого мха лежали... тоже дриады. Большинство из них едва подавали признаки жизни, на серо-зелёных телах тут и там виднелись грязно-жёлтые проплешины со ржавчиной по краям. Словно какой-то непонятный лишай поразил эти совершенные создания. Сидевшие вокруг них сордичи в облегающих накидках, раскачивались с закрытыми глазами и взявшись за руки в такт заунывной однотонной мелодии, напоминающей вой ветра.

Я обернулся за разъяснениями к сопровождавшим меня дриадам и застал интересную картину. Всадницы покинули спины своих шерстяных зверей, соскакивая единым слитным движением и по очереди касаясь их покатым лбам. После каждого такого прикосновения Парсум утрачивал своё, так поразившее меня, безразличие, суетливо осматривался, припадая мордой к земле и выгибая спину. Хвост зверя в этот момент бешено хлестал его по бокам. Резкий хлопок ладонями наездницы – и Парсум гигантскими прыжками несётся обратно в лес, трясая головой и обиженно взрыкивая...

– Тебя ждёт Старшая, недоальв, – моё внимание привлекла дриада, кормившая меня эйфорической травой. Мы направились прямо под фиолетовые корни деревьев, где скрывался вход одного из жилищ местных обитательниц. Несмотря на расположение, зал, куда меня провели, был довольно хорошо освещён. Неправильной формы стены и потолок словно застыли, впечатанные в сердцевину дерева. Пол под ногами был сплошь покрыт упругой и мягкой травой. В центре комнаты располагалось растение с широкими, толстыми и мясистыми листьями, на одном из которых сидела дриада, кожа которой была почти чёрной. Я в замешательстве огляделся, не зная, что предпринять и как себя вести.

– Садись, квартерон, – чёрная дриада повела правой ладонью и ещё один стебель с широким листом с тихим шорохом опустился рядом с ней. Я последовал приглашению, стараясь утраиваться аккуратно, чтобы не порвать хрупкую на вид поверхность. – Хвала Повелительнице Начала и Конца, – дриада прикоснулась тремя пальцами правой руки ко лбу, – это её волей ты оказался рядом, Целитель...

– Да? Там на поляне я видел...

– Всё верно, квартерон. Чужая болезнь пришла из урочища Мёртвого Бога руку ночей тому назад, спустя оборот солнца после гнева жёлтых небес. Там, ниже по течению реки, как раз под скалой Дома Мёртвого Бога, находится одна из наших деревень... травницы лишь облегчают страдания... сегодня утром умерла первая дочь Дерева! Ещё две не отозвались на родовую Песнь... – глаза чёрной дриады блестели, черты лица оставались неподвижными.

Я лихорадочно соображал. Великий Рандом! Что за невезение? Фатальная непредусмотрительность. До главы о дриадах в «Анатомии рас» я так и не добрался. Хм, возьмём за основу их внешний, вполне человекоподобный вид. Но ведь есть ещё и физиология! Да не простая, а с поправкой на местные реалии! И эта... странная Старшая. Пусть и говорит на понятном языке, но обороты речи... Кое о чём я догадался. Не физика квантовых частиц. «Рука ночей» – это, наверное, пять дней, «оборот солнца» – понятное дело, сутки. А гнев жёлтых небес? Стоп. Мы как раз тогда попали под дождь... Погоди-ка, это было четыре или пять дней назад? Ладно, по ходу дела разберёмся. Я же Целитель. Цельный Грандмастер, как-никак! Мёртвый Бог ещё какой-то...

– Сила проклятой болезни очень велика. Даже наши материнские деревья не в состоянии вылечить её. Мы лишь можем отдалить гибель и смягчить страдания родных.

– Тогда мне следует немедленно посмотреть на ваших больных, чтобы хотя бы понимать, что случилось. Вот только с лечением... – я замаялся. Мой запас маны довольно невелик и пополняется медленно, эликсиров очень мало. А пользоваться Астралом я ещё не научился...

– Я сама проведу тебя, квартерон. У нас есть своё Средоточие, которое и используют травницы на поляне, – ни насмешки, ни сарказма по отношению к недоальву я не уловил.

У меня была ещё пара дюжин вопросов, но я решил отложить их на потом. Страдалиц на поляне явно прибавилось. Травницы продолжали свой заунывный транс, поэтому на мой приход с чёрной дриадой не обратили внимание. Краем глаза я отметил шевеление в сетчатой кроне лиан, где мелькало множество местных обитательниц.

Видимые мной раньше на расстоянии, жёлтые пятна на ячеистой коже дриад были разбросаны по поверхности их тел без всякой заметной системы. Я присел перед ближайшей, отметив, что рядом с аборигенкой находится несколько деревянных горшков с разнообразными растениями, стебли которых оплели шею, голову и конечности, находящейся без сознания, дриады. Один стебель даже исчезал в полуоткрытом рте поражённой болезнью.

Взяв за образец состояние и внешний вид уже наблюдаемых мной здоровых дриад, я начал осмотр с дыхательных путей. Заглянул в рот, язык и нёбо были чистыми и ярко-розовыми, почему-то удивив меня этим. Носовые ходы были забиты субстанцией, очень напоминавшей рубиновую смолу фиолетовых исполинов. Выслушал вполне привычное сердцебиение. Дыхание было хриплым и поверхностным. Оттянул веко: в уголках глаз застыла всё та же красная смола. Что это? Аналог нашей крови? Чёрт! Без подробного расследования не обойтись, нужно отследить весь путь больных и заразы от самого места возникновения симптомов.

– Такие же пятна бывают у наших родовых деревьев, – чёрная дриада указала на жёлтую отметину со ржавыми краями на бедре больной, – но они легко излечиваются соком специальных трав.

Так, поглядим... При близком рассмотрении поверхность пятна оказалась рыхлой. Ячеистый серо-зелёный слой кожи в пределах поражения полностью исчез, лишь жёлтая рыхлая масса, с кусочками прозрачных чешуек, которые в смеси с красной смолой давали тот самый ржавый оттенок. Значит, это не пятна, а язвенные элементы. Разрушение кожи. Ожоги? Кислота? Яд? Как же мало я знаю. Кровь-смола в запёкшихся носовых ходах и уголках глаз... Нарушение свёртываемости? Гадать-неперегадать... Но состояние явно тяжёлое, если предположить, что всё, что я вижу на коже и слизистых, происходит и во внутренних органах. О вскрытии умерших можно только мечтать... Думаю только заикнись я о подобном, милые дриады вскроют меня ещё живым. И, возможно, не один раз...

– Старшая, а пока они были в сознании, что их больше всего беспокоило?

– Они теряли воду...

– Эээ...?

– Изо всех отверстий на теле. Спутанные речи, видения... И ещё, они были очень горячими, как камни в жаркий полдень, а когда теряли себя – снова холодели.

Уф. Понимай как хочешь. Попробую расшифровать. Понос, рвота, слезотечение, соплетечение, мочились, потели? Запутываюсь ещё больше. Повышение температуры, язвы, потеря жидкости, нормализация температуры с потерей сознания...

– А воду, что они теряли. Какого она была цвета? – задал я вопрос наудачу.

– Отсюда и отсюда, – дриада показала пальцем на рот уши и глаза, – цвета вечерней зари и разбавленного сока родового дерева, а здесь – Старшая положила ладонь на низ живота, – такого же цвета, как пятна.

Хм, хоть что-то. Цвет мясных помоев и жёлтый. Что-то вертелось в мыслях никак не давая ухватить себя за хвост. Так, нечего тянуть!

– Я начну использовать Магию Жизни, Старшая, – я достал Сферу Преобразования, маны у которой плескалось на доньшке.

Дриада молча положила на неё правую ладонь, левой же упёрлась мне в спину и закрыла глаза:

– Приступай, кварталон...

Отметив с удовлетворением, что Сфера стала быстро заполняться, я занялся больными. Начал с каскада Очищение – Регенерация – Среднее Исцеление, и чтобы уж наверняка, повто-

рил его у каждой из дриад трижды. Зеленоватое свечение, что исходило от моей левой руки, при этом разливалось по телам поражённых болезнью, словно пытаюсь проникнуть во все их закоулки. На секунду мне показалось, что плоть истаивает, как снег под горячей водой в тех местах, где моё умение наиболее интенсивно проявляло себя.

Старшая неотступно следовала за мной, не отрывая ладоней от Сферы и моей спины. Я насчитал одиннадцать поражённых. За это время Сфера и показатель маны на моём правом предплечье успели наполниться и опустошиться, а чёрный цвет кожи Старшей постепенно терял свой блеск и приобретал тусклый серо-зелёный оттенок. С последней исцелённой дриадой она рухнула без сил прямо на поляне.

Я подскочил, активируя Среднее Исцеление, но старшая уже пришла в себя:

– Не трать ману, кварталерон. Это плата за слишком долгую связь... со Средоточием. Будешь учиться, помни: чем больше поток маны, тем сильнее напряжение в твоём внутреннем вместилище...

– Отдохните, Старшая. Я могу поговорить с вашими эээ... подданными?

– Конечно, кварталерон, – чёрная дриада повернулась к очнувшимся после лечения, – расскажите всё Целителю, ради наших сестёр, что ещё мучаются недугом.

Я мысленно вздохнул. Значит, это ещё не все пострадавшие... Сколько же их там? Тут всего десяток на ноги поставил, а ощущение будто три смены отработал. Я даже после штурма Варрагона так не уставал. Что же это за гадость? Почему у меня навязчивое ощущение, что я видел что-то похожее. Но не здесь. Может, в прежней жизни?

Беседа с вылеченными дриадами прояснила мало. Все они были из деревни, о которой говорила Старшая. Селение находилось в четверти дня пути от этого места, рядом с небольшой рекой. Все твердили о почти одновременном проявлении симптомов вчерашним утром. Картина заболевания развивалась очень быстро и бурно. Уже к ночи половина жителей деревни лежали в своих жилищах, не в состоянии подняться. Послали за помощью к Старшей. Высланный отряд детей ночи на Парсумах доставил наиболее тяжёлых сегодня утром. Всех прибывших поместили в место, описание которого я не совсем понял. Старшая пояснила, что это купель материнских деревьев – небольшой водоём в корнях родовых исполинов, наполненная влагой дождя пополам с водорослями и каким-то соком, что выделяют эти растения. Благодаря описанному мерам, больные дриады смогли выжить до моего вмешательства.

Рассказ ещё больше убедил меня, что нужно разбираться на месте.

– Старшая, а всадницы на Парсумах? Они тоже заболели?

– Не знаю, кварталерон, они сразу же уехали обратно в деревню и до сих пор не возвращались, – кожа чёрной дриады снова приобрела привычный блеск и цвет.

– Мне нужно отправиться в эту деревню. И как можно быстрее. Это можно устроить?

– Да, кварталерон... – Старшая поднялась, не отводя взгляда от моего лица, – но ты сказал, что спешишь... я и так благодарна тебе за твою помощь, – снова это дурацкое отсутствие мимики! Очень трудно разговаривать с собеседником, не видя его реакции. Она что, смирилась с гибелью от неизвестной болезни целой деревни? Великий Рандом! Ну за что это мне?

– Боюсь, Старшая, что я даже и не начал помогать. Болезнь как-то передаётся дриадам. Я ещё это не выяснил. Вполне возможно, что только одной деревней эта зараза не удовлетворится. Я могу и хочу помочь вам в полной ликвидации опасности...

– Зачем тебе это, недоальв? Тебе, в ком течёт три четверти крови хумансов и лишь четверть высшей крови. Недоучившийся маг, путешествующий с пожирателями падали...

– Эк вы меня... Честно? Не знаю. В первые дни в вашем прекрасном мире, Старшая, три мудрые женщины пожелали мне следующее: «Мучайся до конца времён. Люби и будь любимым до конца времён. Не теряй надежды нигде и никогда, до конца времён и в безвременье!» А ещё одна из них сказала очень запомнившиеся мне слова: «Целительство – это прежде всего

способность восстановить гармонию мира...» Я не прошу себе никогда, если в этот раз пройду мимо... Я понятно объяснил?

Чёрная дриада смотрела на меня, позади неё стояли вылеченные мной дети леса. Не слишком ли опрометчиво я обещаю им спасение? Но разве не для подобного я в этом мире?

– Мы примем твою помощь, отмеченный Тремя Сёстрами. Мы будем молить Богиню Сущего, Беспощадную Эвридику, о снисхождении к нашей судьбе и о даровании тебе права в неё вмешаться!

## Глава четвёртая

– Старшая рода дриад отрядила четырёх детей ночи вместе с их Парсумами для вашей безопасности и сопровождения до самого Танграиса, Хейген! – я старался говорить бодро и убедительно, несмотря на помрачневшие лица моих спутников, – до пограничной реки вам ничего не угрожает. Воины дриад будут с вами днём и ночью. Гуггенхайм, проследи, чтобы каждый вечер Бруно выносили из повозки и Тоша делала массаж с обтираниями. Полчаса перед закатом оставляйте повозку пустой. Я постараюсь прибыть индивидуальным порталом именно в эти часы. Не знаю, что случится, если в это время в той точке кто-то из вас будет находиться. Поэтому и предупреждаю. Не исключено, что придётся портироваться спешно...

– Ох, Эс... Опять ты лезешь в ж... куда не просят, – поджала губы маркитантка.

– Так ведь просят же, Матильда... – я понимал гному прекрасно. Мне тоже было неспокойно и не хотелось расставаться. Но за свою недолгую жизнь в Небытии я сделал для себя один важный вывод. В общем-то, простой до банальности и старый, как мир. «Делай, что должно, и свершится, чему суждено...» Почему-то часто последнее время приходили на ум эти слова старого римского императора-философа...

– Может остаться с тобой, помочь чем? – Гуггенхайм с опаской посматривал на прибывших со мной всадниц на чёрных зверях.

– Спасибо, учитель. Ваша помощь пригодилась, если бы у нас было много времени. Но его нет. Поэтому я пойду коротким, но очень опасным путём. Использую своё бессмертие. А вас брать не хочу. Из-за опасений за ваше здоровье и жизнь, – я обнял по очереди старика-Алхимика и всё ещё недовольную гному, подмигнул близнецам и Тоше, – не переживайте, я обязательно вернусь, и мы доведём Бруно до Ковена. А там нам помогут, я уверен!

– Холиен! – мамаша Хейген крепко ухватила меня за плечо, – вот только попробуй мне согнуть! Клянусь Подгорным, ты меня знаешь...

– Знаю, Матильда, знаю... не переживай.

\* \* \*

Мыслями я всё ещё был со своими родными. Именно родными, поскольку семью мамаша Хейген уже справедливо считал своей. За размышлениями не заметил, как в сопровождении Детей ночи мы вернулись на поляну фиолетовых исполинов. Здесь меня ждала Старшая в окружении пяти вооружённых копьями и дриад.

– Я готов, Старшая...

– Можешь называть меня Ркасса, квартерон, – мне показалось, или я увидел намёк улыбки на лице чёрной дриады, – с нами пойдут жрицы родового дерева. Возможно, придётся снова лечить, они помогут с маной.

– Хорошо, Ркасса, зовите меня Эскул. Далеко нам до деревни идти?

– Без тебя мы бы дошли до заката...

– Я понял. Давайте попробуем меня не жалеть. Потерплю...

Дриады молча двинулись к краю поляны, выстраиваясь в небольшую походную колонну, которую замыкали мы с Ркассой. Уже через час я понял, что «самоуверенный идиот» для Эскула Ап Холиена было бы слишком мягким эпитетом. Даже сет Рагнара Селёдки, с которым я сжил в последние месяцы, словно со второй кожей, не облегчил моей участи.

Дриады шли одним им ведомым путём, без троп и дорог. Уже через полчаса я перестал ориентироваться в направлении движения, стараясь не потерять из виду спину идущей впереди дочери леса. Мы ныряли в овраги, углублялись в кажущиеся непролазными заросли кустар-

ника, скакали по буреломам, где каждую минуту мне грозил перелом, вывих или выбитый суком глаз. Но видимо, Великий Рандом, был сегодня для разнообразия на стороне благородных авантюристов...

Незаметно менялся окружающий нас лес. Перестали встречаться фиолетовые исполины. Привычные глазу лиственные и хвойные деревья вместе с плавным понижением местности стали сменяться растениями, больше похожими на гигантские папоротники. Тут и там на нашем пути появлялись высокие пальмоподобные деревья, увитые тонкими вьющимися стволами с огромными мясистыми листьями в форме зонтиков.

Воздух нагрелся и повлажнел, видимость ухудшилась. Дышалось тяжело, словно в бане. Пот лился ручьями, а я продолжал двигаться просто автоматически, стараясь не упустить из виду спутников. В голове шумело. Несмотря на то что я кастовал периодически Регенерацию, Очищение и Исцеление, организм потихоньку стал подавать сигналы S.O.S. Дико заболела спина и шея. Да так, что я с ностальгией вспомнил игровые времена, когда физиологические ощущения в большинстве своём имитировались, но имели возможность регуляции интенсивности. Проклятая реальность! Этого ей показалось мало и на закуску, когда мы спустились в пойму реки, стекавшей с плоскогорья каскадом водопадов, то погрузились в липкий туман, переполненный всякой кровососущей гадостью, норовящей залезть мне в нос, глаза и уши.

Заметив мои страдания, дриады поделились из своих запасов замечательной плетёной накидкой, в виде капюшона с сеткой. Видимость она ухудшила ещё больше, но зато позволяла хотя бы свободно дышать. Через некоторое время я перестал обращать внимание на искусанные кисти рук, открылось что-то наподобие второго дыхания у спортсменов.

В окружающем тумане мне стали мерещиться исполинские пауки и другие жуткие чудовища. Сердце колотилось, как бешеное. Обрывки мыслей и воспоминаний перемешались в калейдоскоп. Лица из прошлого и настоящего, виртуальные и реальные...

Старшая тронула меня за плечо, указывая рукой куда-то в клубы тумана. Я приподнял сетку, чтобы лучше видеть. Реку было не разглядеть, а между поредевшими «пальмами» стали видны дома, напоминавшие вигвамы индейцев, только не из шкур, а переплетённых стеблей растений, растущих тут же вокруг них.

Ближе к руслу реки насекомые исчезли и можно было снять защиту. Совершенно измотанный, я как был в кольчуге вошёл в кристально прозрачные воды по пояс и стал черпать ладонями воду, выливая её на затылок, отфыркиваясь, как морж. Ледяная влага вернула способность мыслить здраво. Из-за тумана, передающего и усиливающего слегка фосфоресцирующее свечение, шедшее от пахших прелью берегов, я не сообразил, что уже наступил вечер. Момент, когда солнце исчезло за вершинами «пальм» пропустил напрочь.

Ркасса осталась со мной, а сопровождавшие нас дриады рассыпались по деревне. Спустя некоторое время, с небольшими промежутками, то с одной, то с другой стороны, стали раздаваться протяжные крики, напоминающие волчий вой. Старшая опустила на траву, прикрыв глаза и покачиваясь из стороны в сторону:

– Мы опоздали, Эскул. Среди оставшихся почти все ушли за Грань...

Я обхватил чёрную дриадку за плечи:

– Вставай! Живые же ещё есть? Так давай не дадим им умереть. Зови своих! Пусть ведут к самым безнадежным! – я тряс Старшую, словно куклу, забыв от досады обо всём на свете. Об усталости, условностях...

Немедленно почувствовал, как меня обхватили за руки и шею, жёстко зафиксировав и не давая двинуться ни на сантиметр. В голове зашумело, стало трудно дышать.

– Оставьте его, он прав... – я ощутил свободу движений, от моей шеи убрали наконецники копий.

И очередная длинная ночь новой жизни вступила в свои права...

\* \* \*

Следует отдать должное дочерям леса, они следовали за мной, словно тени. Направляя и молча останавливая, когда я, чудом оставшийся на ногах, поднимался от очередной умирающей больной.

Тусклое освещение хижин какими-то гнилушками компенсировали ярко светившие с тёмного неба три верных спутницы Целителя. Три Сестры. Три отражения света во мраке ночи.

Мы шли наперекор и напролом. Если в очередной хижине негде было развернуться, дети леса попросту сносили её в сторону, открывая мне доступ к едва подающим признаки жизни телам.

Старшая была повсюду, она дирижировала своими помощницами, которые поочередно вставали за моей спиной, возлагая на неё свои маленькие влажные ладошки. Я мог лишь догадываться, что происходило за пределами моих рук, постоянно окутанных зеленоватым свечением. С каждой сменой за спиной и скачком уровня маны в Сфере Преобразования в моей груди всё сильнее начал пульсировать жгучий комок. Он рос и распространялся в подмышки и пах, задерживаясь в области суставов, чтобы скрутить их в очередной вспышкой огненной боли. Мои попытки скастовать на себя Исцеление и Регенерацию заставляли этот комок лишь сильнее пульсировать, а меня – скрежетать зубами...

В последние хижины я заползал на ощупь, так как от боли судорогой свело мышцы шеи и слёзы заставляли расплываться картинку перед глазами. Из рта моего вырывались только обрывки ругани и хрипы, а в голове почему-то каруселью крутилась дурацкая строчка из детских стихов: «И одно только слово твердит: «Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»» Ссука! Бл@дь! Какой же я самоуверенный debil... Как же больно!..

Кто-то из-за спины сунул мне в рот траву, я, не задумываясь, стиснул челюсти. Уже знакомый вкус слегка освежил и в голову мягко ударила волна эйфории. Но продлилось это всего минуту. Жалкая попытка подбодрить Целителя-маньяка.

Я отползал от хижины, ломая ногти и сдирая в кровь пальцы. Луны калейдоскопом вертелись у меня перед глазами. Стошнило. Жжение из груди поползло вверх к шее, стянуло её удавкой и спасительная темнота, так долго не приходившего забвения накрыла меня с головой...

\* \* \*

Странно и непривычно не чувствовать в груди разгорающееся пламя. Я даже осторожно нажал на неё пальцем, медленно наращивая давление через кольчугу. Ничего! Рывком поднялся оглядываясь. Совершенно не помнил, умер я в этот раз или нет. И где возродился? Боли респана не помнил тоже. Тупо уставился на свои исцарапанные ладони и обломанные ногти.

Совсем недалеко у подножия росших плотной группой «пальм» суетились дриады. Нетрудно было догадаться о назначении больших, рядком выложенных, коконов, свёрнутых из травяных подстилок.

– Это материнские саваны, кварталон, – рядом со мной, как всегда незаметно, оказалась Старшая, – родовое дерево должно получить то, что давало им при появлении на свет. Всё есть конец, и всё есть начало, Целитель... Ты удивил нас этой ночью, недоальв. Хотя, никакой альв не сделал бы для наших сестёр того, что совершил ты.

– Это было очень глупо и неосмотрительно с моей стороны... – я посмотрел чёрной дриаде прямо в глаза, – если бы не моё бессмертие, никогда не решился на такой риск. Удивительно, что не подох, – я горько усмехнулся, – сколько удалось спасти?

– Больше половины, – Старшая проигнорировала моё нытьё, – ты в состоянии идти, или мне прислать детей ночи? – дриада поднялась, намереваясь присоединиться к уже ждавшему её сородичам.

– А как же деревня, Ркасса? Что будет с этим местом?

– Лес большой, мы найдём новую колыбель...

– Колыбель?

– Да, кварталон. Здесь хорошие условия для родового дерева. Река, стекающая с плоскогорья, талая чистейшая вода. Ущелье, закрытое от ветров. Тепло и влага... Хорошая была деревня. Теперь это место проклято...

– И вы не хотите знать, откуда пришла эта болезнь и может удастся остановить её?

Старшая остановилась и глубоко вздохнула:

– У нас одна жизнь бессмертный. Лес и так потерял много своих дочерей. Мы уйдём, потому что боимся и ничего не можем сделать...

– И оставите родовое дерево? – мой вопрос был задан автоматически, как логичное продолжение беседы. И тут я впервые увидел проявления эмоций у Старшей. Расстояние в десяток метров она преодолела одним прыжком. Её чёрная кожа приобрела пепельный оттенок, рот исказила гримаса ярости:

– Не тебе судить нас, недоальв! – я попятился под неожиданным напором чёрной дриады. Похоже, затронул какое-то табу. – Хочешь остаться? Найти причину болезни? Твоё дело! А мы уходим, бессмертный... – Старшая успокоилась так же быстро, как и вышла из себя.

– Хорошо, хорошо, не собирался вас оскорблять, – я примирительно поднял руки.

– Оплату тебе привезут сегодня к вечеру на это место. Дети ночи будут ждать до восхода Трёх Сестёр, недоальв, – Старшая, не произнеся больше ни слова, повернулась и зашагала к тропе, на которой уже скрылись почти все дриады.

– И вам, спасибо, что не прибили, девочки... – пробормотал я, почёсывая затылок.

Мда. Всё же разобраться с местной заразой надо. Не люблю загадок, в особенности не люблю не оконченные дела. Я примерно сориентировался по встающему над вершинами «пальм» солнцу, в какой стороне осталась деревня. В конце вчерашнего марша я уже плохо соображал, но запомнил, что от этого места, где хвойная растительность сменилась «пальмами» и кустарником идти до деревни достаточно далеко. Часа два или три, поэтому решил не откладывать.

Жуя на ходу краюху чёрствого ржаного хлеба с сыром, захомяченную в незапамятные времена в инвентаре, и радуясь утренней прохладе, зашагал, стараясь держаться хорошо видимых следов волочения травяных коконов на местной почве, напоминающей смесь песка и земляной пыли. Вот тебе и дети леса! Ни покормили, ни напоили. Обозвали... надо же, недоальв. Хех!

От солёного козьего сыра скоро захотелось пить. Решил подождать, пока доберусь до реки с её хвалёной кристально чистой водой. Так, совершенно незаметно, занятый размышлениями над поставленной перед собой задачей, добрался до края ущелья, в котором протекала река.

Из-за тумана самого русло едва угадывалось, но тропа, по которой дриады недавно спускались, была заметна очень хорошо. Просто я вышел к обрыву значительно выше. Мда, чтобы напиться, нужно спуститься и снова познакомиться с местными жужжащими кровопийцами.

Может, стоит поискать ещё один спуск, расположенный выше по течению? Или сразу, подниматься на самый верх? Как там старшая назвала... «скала Дома Мёртвого Бога»?

Всё же придётся спускаться в деревню. Там могут быть подсказки. Ночью разглядывать подробности было недосуг. Да и пить хочется, ни о чём думать больше не могу. Я облизнул губы и стал спускаться. Сапоги погружались в зыбкую почву по щиколотку.

Осиротевшая деревня выглядела печально. Некоторые жилища так и остались сваленными. Странно, что заметил только сейчас. У дриад не было ни очагов, ни остатков кострищ.

Я вообще не помню, чтобы они пользовались огнём. Ещё один штришок в загадочную картину жизни этих существ. Язык уже не поворачивался назвать их нимфами. Кем угодно, только не духами леса. Что за больная фантазия у разработчика, придумавшего этот народ.

Обходя брошенные хижины и ворочая носком сапога нехитрые предметы утвари, наткался тут и там на следы рубинового смолистого вещества, которым были забиты носовые ходы больных дриад. Преимущества бессмертного неоспоримы. Шляйся себе хоть в эпицентре эпидемии! На это я и надеялся. Особого геройства в этом не вижу, но, думаю, эксперимент на самом себе – самый быстрый способ выяснить, что же здесь произошло.

Поэтому дальнейшее моё поведение, безусловно, вызвало бы появление многих седых волос у моих учителей-эпидемиологов, будь они свидетелями этого безобразия.

Я совал свой нос, палец, иногда даже язык, везде, куда мог добраться. Перетряхивал то, что можно было считать одеждой и постелями дриад. Какие-то деревянные плоски, плетёные туески. Рискнул попробовать на вкус рубиновую смолу, которая оказалась абсолютно безвкусной. **Ничего...**

Жажду я утолил в самом начале, напившись прямо у берега в небольшой заводи. Вода в реке была действительно кристально прозрачной и очень холодной. Мои метания по деревне и вставшее высоко палящее солнце заставляли часто прикладываться к предусмотрительно припасённому ведёрку с водой, позаимствованному в одной из хижин.

Часа через два тщетных поисков и экспериментов я присел у одного из покосившихся жилищ, прельстившись густой и прохладной тенью. Воспоминания о волшебной похлёбке мамы Хейген ничуть не прибавили настроения, а лишь заставили возмущённо бурчать мой желудок, который я тщетно попытался успокоить глотком ледяной воды.

Может, дело в метаболизме дриад? С чего я взял, что если эти существа выглядят внешне похожими на людей, то и физиология у них схожая? Ну-ка, ну-ка... Я вытащил из инвентаря предусмотрительно захваченную из фургона «Анатомию рас» и стал искать главу о дриадах. Найденная информация умещалась всего на двух листах этой энциклопедии. Я прочёл её несколько раз и был крайне раздосадован. Мизер информации! Насколько подробно была описана анатомия и даже физиология гарпий... а дриады оказались самой малоизученной расой или самой закрытой. Что ничуть не прибавляло оптимизма. Так, стоп. А это что? Сноска после главы. Сразу и не заметишь. «Из заметок Дорана Глора, почтеннейшего магистра и смотрителя библиотеки Эмеральда». Так, почитаем... «... а ещё свидетельства отмечают, что среди дев леса не видел никто и никогда особой мужского вида или кого-либо их заменяющего. Все описания из собранных нами источников единообразны и подтверждают внешний вид дриад сходным с телосложением хуманок, вплоть до наличия ногтей на пальцах рук и ног, волос на голове и веках. Но также полное отсутствие оных на теле, и в виде бровей. Кожа же дев лесных очень прочна и в то же время эластична, устойчива к воздействию ядов, огня и металла. Что неоднократно отмечали Рейнджеры альвов, ибо стрелы против дриад бесполезны...» О, как! Нормально... так, так, а тут что? «... любые раны, полученные лесными девами, будь то резаные, рваные или колотые, а также: переломы костные и вывихи сухожильные; заживают не в пример другим расам во много раз быстрее и без совершенного следа...». Хм, дальше опять ничего не значащие бла-бла-бла... Имеют большую потребность в воде. Едят только выращенную пищу. Ага. Ну это ожидаемо...

Высочайшая регенерация, устойчивость к ядам, прочнейшая кожа и совершенно отсутствующие данные по анатомии, размножению, росту... Кстати, детей ни на поляне, ни в этих травяных вигвамах я так и не увидел ни одного.

Ладно, тут ловить нечего, до полудня ещё ого-го! Надо подниматься наверх и пройти выше по краю ущелья, может, там какие-никакие объяснения увижу. Старшая вроде бы что-то говорила, что поражения, подобные тем, что мы наблюдали на коже дриад, похожи на болезнь,

которая возникает у каких-то деревьев и растений. Значит, придётся снова пошире открыть глаза и набраться терпения...

Подъём дался не в пример тяжелее. Радовало только отсутствие жужжащих кровопийц, разогнанных жарой. Поднимаясь, чуть не расплескал прихваченное ведёрко с водой. Добравшись до верха, почувствовал сильное головокружение и тошноту. Понятное дело, с такими нагрузками одной краюхой хлеба и кусочком сыра сыт не будешь. Живот снова забурчал. Привычно успокоил его глотком ледяной воды. Надолго ли?

На ровной дороге головокружение отступило, но зачесалась кожа спины и под мышками. Мда, не в сети Рагнара Селёдки заниматься эпидемиологическими поисками... О «дюпоне» или «мерке» можно было бы только мечтать.

Края обрыва были почти лишены растительности, крутизна подъёма нарастала медленно, и я ещё до полудня добрался до огромной скалы, напоминавшей плоски толстый козырёк, нависавший над смыкавшимся ущельем. Река появлялась из узкого, похожего на трещину пролома в основании скалы, с грохотом падая с высоты на камни, затем, смиряя свою бурную энергию, устремлялась по перекатам дальше.

В скале, сбоку от водопада были видны вырубленные в толще каменные стены небольшие ступени, спускавшиеся к самому дну ущелья. Где-то на середине пути эта лестница скрывалась за водопадом. Полуденное солнце играло яркими бликами на брызгах, создавая чехарду переплетающихся малых радуг, превращая это место в волшебный храм природы.

Рассматривание мельтешащих водных струй снова вернуло приступ головокружения и слабости. Резко застучало в висках. Чёрт, надо передохнуть. Не на голодный же желудок заниматься довольными изысканиями? Мысль о еде заставила наполниться рот слюной с металлическим привкусом, я едва успел отпрянуть от края обрыва. Меня вырвало прямо на гладкую и влажную скальную поверхность. Выворачивало минут пять кряду...

Я сидел и тупо рассматривал кровавые разводы на камне, разбавленные прожилками жёлчи. Приехали. Голова кружилась всё сильнее. Я подтянул к себе ведёрко, к счастью, не расплескавшее воду во время моего приступа. Плеснул ледяной влагой на разгорячённое лицо, умылся. Что это? На ладонях была всё та же алая кровь... капавшая из носа. Дождался, экспериментатор хренов!

Я с трудом стащил с себя кольчугу, наручи, спрятав в инвентарь. Стянул и куртку. Рубаха отправилась туда же. Как же приятно было прикосновение ветра к раздувшейся коже!

На животе и внутренней поверхности предплечий архипелагом растеклись синяки, словно меня совсем недавно кто-то отдубасил палками. Э, нет. Это не от палок. Совсем непохоже, между крупными расплывающимися пятнами – просяная россыпь мелких, как уколы кровоизлияний. Мда... зеркало бы сюда. Попытался рассмотреть своё отражение в ведёрке воды, только закапал её кровью, так ничего и не добившись.

К голове присоединился живот, боль согнула меня пополам, затем прострелила до самых заветных мест. Метнулся в ближайшие кусты, расстёгивая пояс и сдирая штаны на ходу. На некоторое время в позе орла стало легче. Подумалось с горькой усмешкой, как сильны в нас условности, что даже находясь в глухом месте, где, кроме проклятых Глювов, с высоты никто тебя не увидит, всё равно ищешь кусты...

Оглянулся посмотреть на результат страданий. Что и требовалось доказать. Там тоже кровь... Может, всё же отравление? В деревне я почти полдня и ночь. Но почему тогда проявления только сейчас? Великий Рандом, как же болит голова! Но зато успокоился живот. Вода в ведёрке безвозвратно изгажена, надо спускаться за новой.

Итак, версия отравления принимается за основную. Чего такого я делал сегодня, чего не делал вчера. Вчера лечил дриад, периодически пополнял ману и попутно лечил себя. Кстати, мастер Холиен, вы вообще голову потеряли?!

Я скастовал Регенерацию и дважды Исцеление. Симптомы проявились столь неожиданно, и эта головная боль... Немудрено забыть, что ты Грандмастер Магии Жизни. С восстановлением организма солнце снова бодро засияло с голубого небосвода, а окружающая красота стала радовать глаз.

Вернёмся к расследованию. Вода! Только сегодня я стал пить воду из реки. Еду я использовал свою, принесённую. И пусть она немного заветрилась, случаев отравления продуктами, сохранёнными в инвентаре, до сих пор не было. Хотя, мир изменился. Реальность могла внести свои коррективы. Хм, чушь! Я отмахнулся. И до этого много раз ел пищу из инвентаря. И ничего. Значит, вода. Не тухлая, без видимых примесей, текущая с плоскогорья... Чего такого по дороге она могла в себе принести, что заставило за несколько часов мой организм так взбрыкнуть? А дриад с их потрясающей регенерацией – и вовсе привести на край гибели?

Думай, Целитель, думай... Температуры у меня не было. Такие вещи я уж могу отличить. Но у детей леса какие-то изменения в этом плане отмечались. Со слов Старшей. Отметать не будем, но пока в сторону!

Ну, если с очень большой натяжкой, очень похоже на тяжёлые металлы. Ртуть, например. Течёт себе речка, течёт, шахта, шурф, движение твёрдых пород, землетрясение, наконец, – бац! В воду попадают добавки, не совсем привычные. Мда... Так себе, версия. Для обывателя. А мы с тобой, Эскул, профи, как-никак. Всё равно исключить надо, тем более это довольно просто.

Я присел над ведёрком с остатками воды, мысленно похвалив себя, что не избавился от неё. Достал с пояса кошель с монетами, выбрал две большие медные, подёрнутые зеленоватой патиной. Хорошенько оттер их о суконную подкладку штанов, опустил в воду и начал тереть их друг об друга, плотно прижимая.

С этой ерундой провозился битых полчаса. Чтобы уж наверняка. Результат, по крайней мере, доказал, что достаточного для отравления количества ртути в воде, которую я употреблял, не было. Чистые монеты отправились обратно в кошель. Не особенно-то и надеялся. Это сколько же нужно ртути, чтобы отравить всю реку? Богатейшее месторождение. Грустно вздохнув, решил спуститься к руслу, набрать свежей воды и повторить безумный эксперимент на своём организме. Маны под горлышко, врасплох меня теперь не застать.

Скользкие и влажные ступени так и норовили вырваться из-под сапог. Но я оказался терпеливее. Спустился к самой трещине. От грохота падающей на камни воды заложило уши, поэтому я не сразу сообразил, что в тёмной глубине трещины, почти на самой грани восприятия мерцает красный огонёк.

Стоп, мерцает? Мигает, с равными промежутками и одинаковой интенсивностью. Красный!

Если это не местные магические приبلуды или какой-нибудь вид подземного плотоядного гриба-мутанта с красной гнилушкой, оборудованной призывно мигающим манком, привлекающим разумных квартирантов в пасть... то, скорее всего, и это очевидно для понимания человека, принадлежащего технологической цивилизации...

Аварийный маяк!

Ни секунды, не раздумывая, я рванул в пещеру, перескакивая с камня на камень. Вдруг опора резко ушла из-под ног, и я по пояс погрузился в воду. Мда... Штаны быстро промокли, а сапоги налились свинцовой тяжестью. Не говоря уже о ледяной воде. Чертыхаясь, скинул весь сет в инвентарь, оставшись в рубашке и коротких подштанниках, заменявших здесь хумансам трусы.

Помню, каких трудов было уговорить мамашу Хейген плотно сшить левую и правую половину этих псевдокюлотов, которые соединялись обычной шнуровкой. А выкраивание гульфика и прорезание петли для костяной пуговицы – отдельная песня!

Стуча зубами и злой, как раненый Парсум, я упрямо продвигался к своей цели. Красные сполохи невидимого пока мне целиком маяка придавали стенам пещеры загадочный баг-

ровый оттенок. Вода, через которую я осторожно брёл, стараясь прощупывать онемевшими ступнями поверхность, чтобы не ухнуть с головой, неспешно текла к выходу. Звук водопада стал несколько глуше.

Глаза привыкли к багровому полумраку пещеры, уровень воды в водоёме с каждым моим шагом стал уменьшаться. Но усилился встречный ток воздуха, что не прибавило настроения. Я хлюпнул носом. Простуды мне ещё посреди лета не хватало. Сопливый Целитель – душераздирающее зрелище...

Странно, пещера довольно широкая и потолок уходит вверх в непроглядную темноту. Почему же река выбрала верхний путь? Я приблизился к правой скальной стене. Удивительно гладкая поверхность, вполне очевидно, отшлифованная не вручную и не выходом магмы. Света хватало для того, чтобы убедиться: характерных лавовых отложений или застывшей пемзы не было и в помине. Насмотрелся в своё время.

Уж не старое ли это русло реки? Вполне возможно. Тогда почему вода изменила свой путь? Чем дальше вглубь, тем больше вопросов...

Стены пещеры сдвинулись, сузив проход, который сворачивал вправо под тупым углом. Стало заметно светлее, к красному раздражающему миганию прибавилось неприятное монотонное гудение. Уровень воды упал, едва прикрывая щиколотки, острая галька заставляла замедлять шаг. Всё время казалось, что иду по битому стеклу, даже поднял одну ногу посмотреть на стопу, нет ли пореза.

Пологий поворот пещеры закончился тупиком. Точнее, весь проход был перегороден стальной стеной, в центре которой виднелись высокие, метров трёх створки ворот, разъехавшиеся на расстояние около метра.

Мощные толстые плиты, в этом не было никакого сомнения, сжимали в своих стальных тисках полураздавленный шар метрового диаметра с треснувшей, по виду стеклянной или керамической полусферой спереди.

В нижнем сегменте, обращённом ко мне, объект имел более значительные повреждения: рваные трещины, разрывы, множество свисающих трубок и проводов, ошметки пластика.

На одной из створок стальных ворот располагался красный кристалл, размером с голову человека. Хм, так вот что я принял за аварийный маяк! Очень похоже. Помещение за закрытыми створками просматривалось плохо. Всю картину загораживал раздавленный шар. А яркий искусственный свет, бивший прямо в глаза, заставлял отворачивать взгляд.

Осмотревшись, я отметил груды камней из скальной породы, во множестве разбросанных рядом со странной стальной стеной и свежие следы разломов, трещины в стенах пещеры. Хорошее освещение позволило рассмотреть, что из внутренностей разрушенного объекта по оборванным патрубкам в воду стекает какая-то жидкость. Продвинувшись к шару, я, стараясь ни к чему не прикасаться, попытался рассмотреть её поближе. Жидкость как жидкость, ни цвета, ни запаха. Я нагнулся и постарался проследить, откуда она могла вытекать. Какой-то треснувший кожух, под которым еле виднелся край прибора или агрегата, напоминающего большой бублик, обмотанный стальной толстой проволокой... Мда... не с моими знаниями во всём этом разобраться... На кожухе чётко просматривалась выдавленная надпись:

**Eurasian cluster. Station virtual immersion «Balkans».**

**Security drone VZ 2314.**

## Глава пятая

И тут нагадили, параллельные потомки! Что ж это делается, Великий Рандом?! Только обрёл мир, где можно жить без всего этого технологического дерьма...

Я присел на подвернувшийся валун, чувствуя досаду и слабость в насквозь задубевших ступнях. Холодное исподнее облепило тело и ещё больше усиливало дрожь в мышцах.

Значит, причиной отравления дриад стал этот дрон, по какому-то стечению обстоятельств получивший повреждения, приведшие к утечке... какой-то дряни, что попала в реку. Видимо, забористая штука... Капает вон еле-еле... Хотя, в пещере течение незначительное, резервуар по сравнению с рекой небольшой. Получился естественный отстойник, а ручеёк на выходе уже впадает в основное русло. Первые признаки отравления, ммм... пять-шесть дней назад. Метаболизм у дриад очень мощный судя по описанию регенерации в «Анатомии рас». Попили водички дети леса – и привет, Беспощадная Эвридика! Хм, что-то не всё срастается в этой версии...

Поймал себя на том, что яростно расчёсываю голени. Снова закружилась голова, затошнило. Блин. Вторая часть Марлезонского балета...

Надо бы, пока в состоянии, осмотреть всё вокруг повнимательнее. Тем и занялся. Вокруг дрона, кроме нескольких кусков пластика, ничего примечательного не нашёл. Он несколько отличался от той модели, на которой Янитор мне устраивал экскурсию. Кстати, при случае обязательно душу выну из привратника, а узнаю, каким образом в Небытие провалилось всё это.

На открытых участках бледной от холода кожи снова стали проступать синие пятна. А ведь я в этот раз водички-то и не пил! С лечением пока подожду, нечего маной разбрасываться, терпелка не отвалится... Значит, чрез кожное поражение этой дрянью тоже возможно. Поглядим.

Я аккуратно пролез под днищем дрона, стараясь не зацепить телом или одеждой трубок, с которых капала жидкость из кожуха. Опасение вызывали также острые края разорванной металлической оболочки шара. Странно, судя по виду удар был резким и неожиданным. Чего это автомату вздумалось лезть под удар створок.

Стоп. А если наоборот? Экстренная ситуация. Закрытие всех окон и дверей. Авария и далее в том же духе? Близко, очень близко. В таких случаях на всякие там железки обращать внимание некогда... Ладно, посмотрим, может, ответ внутри?

Щель между створками стальных ворот была здоровенная, даже протискиваться не понадобилось. После сырости и заваленной острым щебнем пещеры, ярко освещённое помещение с упругим тёплым полом показалось райским садом. Приютом усталого странника... с шилом в заднице...

Я стоял посреди этого великолепия технологий будущего, словно нищий в прихожей Букингемского дворца: в мокрых холщовых портках, покрытый ссадинами и немилосердно зудящими синюшно-лиловыми пятнами... И просто невыносимо тянуло плевать...

Усиливающееся головокружение заставляло спешить. Появился звон в ушах.

В противоположной от входа стороне стена помещения образовывала нишу с небольшим плоским экраном. На выступе под ним угадывалось что-то вроде сенсорной клавиатуры или пульта со светящимися контурами.

Подойдя ближе, я убедился, что приборы вполне узнаваемые. Вот сенсорная панель с абрисом кисти руки как бы утопленном в желеобразную субстанцию. Система распознавания свой-чужой, однозначно. Слева – три ряда пиктограмм. Это уже сложнее. Большой квадрат, подсвеченный красным и такой же зелёный. Хм, возможны варианты, но, думаю, их немного. И раскладка с английским алфавитом. Хех! Кириллице удивился бы точно...

А чего ждать? Я втиснул правую ладонь в отгиск на пульте. Экран вспыхнул мерцающим серым светом. Через несколько мгновений вспыхнул красный квадрат. Понятное дело, гость-то незваный. В продолжение за стеной что-то загудело, пол завибрировал, что очень хорошо ощущалось босыми ступнями. Пол перед панелью и экраном, на котором я стоял, протаял прозрачной окружностью, и я оказался в столбе ярко-жёлтого света. В воздухе запахло озоном, волосы на голове и предплечьях встали дыбом, зуд кожи усилился.

Хм, бессмертие бессмертием, я где-то внизу живота ёкнуло. Ща как шарахнет!

Но ничего не произошло. Столб света погас. Гудение стихло. А вот на экране появился ряд картинок, от которых меня прошиб пот.

Первая была понятна: ворота, перекрещённые красной линией. Вторая – не совсем. Те же ворота, но в красном круге. И, наконец, третья: долбаный чёрный пропеллер в жёлтом треугольнике!

Интересно, сколько раз я должен назвать себя идиотом, чтобы прочистить мозги и освежить память?! Сто, тысячу раз?! Призрак Ангры и здесь меня догнал... Очередной приступ головокружения, спровоцированный досадой на свою недогадливость, шатнул меня, едва не рассадив лоб об экран. Снова закапала кровь из носа, пачкая пульт и оставляя тёмные потёки.

Значит, из дрона капает не топливо и не тормозная жидкость. Скорее всего, это жидкость из системы охлаждения реактора. Чего удивляться. Потомки наверняка добились миниатюризации ядерных двигателей для машин подобного рода. А мы имеем здесь не рядовую аварию... Бедные дети леса, они ни сном ни духом не ведали про эту дрянь. Хорошо хоть свалили подальше.

Бурлящая во мне ярость и гнев немного утихли. И правда, чего это я? Аварии случались всегда и во все времена. Разница лишь в том, что этот мир не совсем готов к подобному. И ведь всё одно к одному. Утечка, естественный резервуар накопления, изменение рельефа, вызванное переносом станции...

Один Рандом знает, почему она переместилась из того мира в наш! Так, валить надо тоже отсюда подобру-поздорову. Вылечиться и уходить. А дриадам наказать к речке не приближаться лет... ммм... сто...

Чёрт! Ну а как? Проводить мероприятия по деактивации? Чем, какими силами? Тут же кругом верная смерть! Сюда, кроме бессмертных, и не дойдёт никто!

А если там внутри... станции... Ох, Бл@... Там же тьма народа! Перед глазами всплыло воспоминание о нескончаемой веренице капсул автономной виртуальной реальности и лицо девушки, так напомнившей Натиенн...

А вот хрен тебе, смертяшкина! Всё, что могу, сделаю сам! Я быстро скастовал лечение. Ближайший час мне нужен был чистый разум, способный быстро принимать решения.

Так, что имеем в активе? Почти полная Сфера Преобразования и внутренний резерв. Тээкс... Река. Это хорошо, просто замечательно! Подземное маленькое озеро, узкий скальный проход... Ну-ка, ну-ка... а ведь должно получиться!

Я развернулся к застрявшему в створках дрону и активировал Водный Бич, который на фоне включённой мной вслед рунной карусели преобразовался во вращающееся веретено водных струй. Добился от получившегося магического инструмента максимальной управляемости, подвигав кистями из стороны в сторону. Появилось чувство, что струи Бича стали продолжением рук.

Постепенно наращивая интенсивность, одновременно наблюдая за индикационной линией маны на правом предплечье, направил веретено на дрона. Задребезжали, залязгали куски пластика и обшивки в месте разрыва. Мощный поток воды рикошетом ударил во все стороны, полетели какие-то куски и даже пара шлангов. Ничего, выпихну, потом будет легче...

От брызг, летевших со всех сторон, стало невозможно контролировать направление веретена. Пришлось поставить Щит Воды.

Я вам устрою, мать вашу, дегазацию, параллельные потомки!

Сквозь прозрачную пелену Щита едва пробивались слабые отголоски звуков. Дрон дёрнулся, крутанулся вокруг поперечной оси, прополз несколько десятков сантиметров и снова застрял, насмешливо обращённый ко мне нижней частью, которая больше всего пострадала от разрывов.

– Вот, сука!!! А если так? – я уменьшил интенсивность струй и, прицелившись, стал заполнять водой внутренности дрона. Уже через минуту у шара из всех естественных и приобретённых в процессе аварии отверстий хлынуло. А теперь – Водный Взрыв!

Признаюсь, после изменений в реальности Небытия, я это заклинание ещё ни разу не использовал. Повода не было... Сейчас же, видя его результат, ощущал себя малолетним пацаном, бросившим петарду в унитаз общественного туалета... Восторг и ужас!

Дрона просто не стало. Вряд ли аппарат был сплошь бронирован, но такого я не ожидал. Да... Великая сила воды!

Над створками ворот красное свечение замигало с повышенной интенсивностью и частотой. Стальные плиты медленно стали сближаться.

Оставаться в раю пластика и упругих тёплых полов больше не входило в мои намерения. Ещё бы. Со скуки сдохнешь, пока впустят, что вряд ли. А умирать от лучевой болезни с оставшейся манной... бррр! Избавьте меня Боги от этого удовольствия!

Оскальзываясь на мокром, припустил к выходу. Проскользнул мимо неотвратимо сближающихся створок и рухнул в радостно принявший меня радиоактивный субчик с плавающими на поверхности обломками пластика.

Сырой воздух пещеры был пропитан до боли знакомым ароматами Московской подземки. От неожиданности громко чихнул, вжимая голову в плечи. В воде вернулось уже почти забытое ощущение ледяного холода. За спиной сомкнулись двери и наступила тьма, разрываема красными вспышками аварийного маяка.

Стало совсем грустно. Я прислушался к себе: пора заканчивать эту бодягу, не то скоро вернуться надоевшие хуже горькой редьки симптомы и драгоценная мана будет растрачена впустую.

План был прост. Прост, как палка. Если нельзя дезактивировать растворённую в отстойнике радиоактивную дрянь и помешать ей постепенно отравлять воду в реке, что может в итоге привести ещё к каким-нибудь пагубным последствиям для местной экологии, надо уменьшить степень воздействия, путём разбавления вышеуказанного бульончика... Любой другой исход хуже, однозначно. Тем более, всегда хотел посмотреть, как себя проявит заклинание «Торнадо» в условиях ограниченного манёвра для водной стихии. От предвкушения перестал чувствовать даже холод.

Почти на ощупь отыскал относительно ровный выступ скалы у правой стены пещеры, забрался на него, усевшись по-турецки лицом к выходу.

Начал, конечно, с Рунного Мастера. Никогда не устану любоваться на медленно проплывающие хороводом над головой руны. Постепенно увеличил поток маны. Руны засияли, как бенгальские огни, осветив стены и свод пещеры. Во всём теле появилась какая-то лёгкость...

Возможность похулиганить с благими намерениями может оправдать любую авантюру.

Пиктограмма «Торнадо» располагалась на внутренней стороне моего левого плеча. Я сосредоточил на ней внимание и чуть не подскочил на камне, ухватившись за плечо в районе пиктограммы.

Ощущения были такие, словно мышцы пронзили острым штырём или прижгли раскалённым тавром. Я отнял ладонь от плеча: контуры знака светились таким же золотом, что и руны. Что ж, придётся запомнить: хочешь мощных заклинаний, приготовься терпеть боль. Даром теперь, похоже, в Небытии ничего не даётся...

Так же быстро, как возникла, боль исчезла, рассеяв моё хорошее настроение, как дым. Всё, сантименты побоку! Я сосредоточился, чувствуя нарастание знакомого жжения внутри. Уровень маны в Сфере стал потихоньку понижаться.

В пещере потеплело. Это ещё что за новости? Воздух загустел, стал недвижим, как кисель. На лбу выступила испарина, стало трудно проталкивать воздух в лёгкие. В Сфере мана опустилась ниже половины...

Ох, ё! Я должен это увидеть. Активировал Щит Воды на максимум, лишь бы только хоть немного видеть сквозь полупрозрачный пузырь, уменьшив диаметр защиты до минимального. Конечно, исчезли все звуки...

Ток воды к выходу из пещеры практически остановился. Я изнывал в нетерпении: из-за Щита я ничего не видел. Что же там снаружи твориться?

Дневного свет на выходе из пещеры стал тусклее, мигнул и почти пропал. В следующее мгновение мой защитный пузырь теннисным мячиком улетел в сомкнутые створы ворот станции от могучего удара перекрывшей всё пространство волны... Да какой там волны! Это река, взбаламученная и разъярённая «Торнадо», пожаловала ко мне в гости. Не успел я сориентироваться, кувыряясь по стенам своего щита, как везде: вверху, внизу, справа и слева, – оказалась вода. Я просто физически ощутил, как сдавило стенки Щита. Жалкие останки маны из Сферы улетучились в одно мгновение.

Сфера защиты стала сжиматься, вынуждая меня принять позу эмбриона. Сумасшедшие течения били по всем направлениям, меня мотало, словно какашку в канализации, прижимая то к одной стене, то к другой.

Я на инстинктах пока ещё разбирал, где верх, а где низ, поэтому когда течение потащило меня к своду пещеры успел рассмотреть совсем узкую щель, через которую пробивалось солнце. Неужели?.. Проплывающие рядом с пузырём камни, целые скальные обломки подтвердили мою догадку.

Пребывая в жутком молчании, лишённый защитой любых звуков, я расширенными от восторга глазами наблюдал, как мощь реки выбросила меня вверх, в свинцовое от клубящихся туч небо, разрываемое сотней ветвистых молний... Высоко-высоко, над краем ущелья, верхушками «пальм» и виднеющихся вдалеке фиолетовых исполинов.

За секунды, что я провёл в достижении апогея своей траектории, передо мной предстала вся картина, сотворённая силой заклинания Магии Воды высшего уровня. Скалы, нависавшей над водопадом, которым начиналась река в ущелье... больше не существовало. Да и сама река... То, чем она была до моего авантюрного вмешательства, по сравнению с наблюдаемым монстром, можно было бы назвать жалким ручейком.

Река заполнила собой ущелье на треть глубины. Она ворочала огромными валунами, словно ребёнок игровыми кубиками. Воды её потемнели от вымытой почвы и песка. Но откуда такие груды камней?

Уже осознавая, что падаю, я погасил Щит. Рёв и какофония стихии чуть не оглушили. Прямо подо мной, на месте разрушенной скалы, вертелись в сюрреалистическом танце десятки смерчей, разрывая тело ущелья, с лёгкостью выкорчёвывая исполинские деревья и всасывая в своё ненасытное нутро всё, что не попадалось на их пути.

Я истерически захохотал, раскинув ноги и руки и мчась навстречу очередной смерти. И смех мой был незаметнее комариного писка среди ночного ливня... Удара и хлынувшей в лёгкие воды я почти не ощутил...

\* \* \*

Холод голых камней и какое-то насекомое, ползущее по моему лицу, ознаменовали очередное возрождение в мире Небытия. Неприятно удивило отсутствие всякой одежды. Теперь,

значит, так. Хм. Я сунулся в инвентарь, благо всегда таскал с собой пару-тройку наборов местного белья. Всё оказалось на месте, даже порванный и мокрый насквозь комплект, в котором я совершал свои подвиги в пещере.

Облачившись в сухое и надев только куртку, штаны и сапоги, поспешил к краю обрыва, недалеко от которого был заботливо возрождён. С любопытством заглянул вниз.

Мда... Правду про нас кто-то сказал. Русские на войне меняют ландшафты.

Русло реки заметно выровнялось, промоины в берегах стали круче. Мутный и стремительный поток уже снизил свой уровень, но всё ещё ворочал по перекатам множество валунов и вырванных с корнем стволов деревьев. Судя по солнцу, едва перевалившему за полдень, возродился я достаточно быстро. Ну, хотя бы в этом, система бессмертия не изменилась...

Вышвырнул из инвентаря мокрое бельё прямо ревуший мутный поток вниз. Ну его! Чем Рандом не шутит, не хватало ещё таскать с собой радиоактивные тряпки. Кстате, вот тоже вопрос без ответа, вещишки мои, что в инвентаре, от соседства с этими тряпками не приобрели свойств, совершенно мне ненужных? Придётся рискнуть. С сетом Рагнара Селёдки я расставаться не намерен. Чует моё сердце, таких вещей теперь в этом, ставшим реальностью, мире осталось совсем немного.

Настороженно прислушиваясь к себе, стал потихоньку спускаться вдоль обрыва к поляне, на которой расстались со Старшей. Может, дети ночи догадаются привезти чего-нибудь съедобного? А то перипетии последних часов здорово измотали меня. Возродился я, конечно, без малейших признаков лучевой болезни. Но с пустым желудком, о чём мой живот оповещал окружающий лес каждые четверть часа.

Сворачивая к поляне, бросил последний взгляд на дело своих рук. Скалы, которую дриады называли Мёртвым Богом больше не существовало, река брала начало каскадом водопадов, бьющих из множества скальных трещин. Там, где находился вход в пещеру, теперь зиял широкий провал, на дне которого матово блестела на солнце металлическая поверхность Станции виртуального погружения «Балканы» с ясно видимым на крыше круглым контуром посадочной площадки с аббревиатурой **SVI – 4**.

До вечера было ещё далеко. Ждать просто сидя под местной «пальмой» было довольно скучно. Лес вокруг поляны выглядел довольно обитаемым, и я решил поохотиться. Если дичи не добуду, то хотя бы время убью.

Битых полчаса я ностальгически изображал из себя Рейнджера. И вскоре мои попытки увенчались успехом. Свернув в перелесок на странное сочетание звуков, напоминавших одновременно и шипение, и отдалённый барабанный бой, замер, боясь спугнуть удачу.

Около дюжины птиц, очень похожих на тетеревов или индеек, отсюда было трудно рассмотреть, кружили по поляне и издавали те самые странные звуки, что привлекли меня. Расстояние до дичи, учитывая мои умения, было смешным. Лук Ночной Зари, грозное боевое оружие... а жрать-то хочется!

Мысленно попросил прощения у местных петушков и курочек, выбрал каким-то образом, завалившийся в моём колчане срезень, и, тщательно прицелившись, отпустил тетиву. Результат очень бы разозлил представителей зелёных, будь они в этом лесу.

Стрела практически бесшумно обезглавила одну из крупных, расфуфыренных птиц так быстро, что остальные даже не отреагировали. Пришлось шумно с хлопками и криками выскочить на поляну.

Крупный индотетерев оказался неожиданно тяжёлым, но моя поляна оказалась недалеко, благо в поисках дичи я бродил кругами. Вот и пригодилось огниво и трут, провалявшиеся в моём инвентаре несколько месяцев. Не поленился, сходил к обрыву и набрал там отменной жирной глины в листья растения, очень напоминавшее обыкновенный лопух.

Набрал по дороге валежника. На полянке же развёл костёр и не поленился нажечь побольше углей, уж больно тушка попала выдающаяся. Прямо с перьями измазал глиной

индотетерева и уложил его в предварительно вырытую ямку рядом с костром. Сдвинул почти прогоревшие дрова сверху и стал ждать, истекая слюной. Соли и специй у меня припасено не было, но голод не тётка, в следующий раз буду предусмотрительнее.

За всеми заботами не заметил, как почти наступил вечер. Костёр почти догорел, и тушка была благополучно вытащена на суд кулинара. Я аккуратно рассёк жирную птицу Ключами, с восторгом наблюдая исходящее паром белое мясо с незначительными кровавыми прожилками. На мой вкус оно оказалось несколько жестковато, но прекрасно утолило мой почти суточный голод. Несмотря на разыгравшийся аппетит, уговорить удалось не больше четверти испечённого мяса.

Я потянулся за растущими по краю поляны густыми стеблями травы с намерением оттереть руки от жирного сока, как услышал за спиной короткий утробный рык.

Никак не могу привыкнуть к этим ночным хищникам. Парсум, наверно, и через много лет будет наводить на меня первобытный ужас. Слева, немного дальше от костра, на поляну вышли две чёрные кошки с неизменными всадницами. Одна из них, заметив меня, грациозно соскочила на землю и приблизилась:

– Меня прислала, Старшая, недоальв, – она бросила мне под ноги небольшую травяную сумку, – здесь твоё вознаграждение, – впервые я увидел брезгливую гримасу на обычно спокойном лице дриады.

– Благодарю, не разделите ли со мной ужин?

– Дети леса не едят падаль, недоальв, – гримаса стала ещё заметнее.

– Ах да, простите, но я же не мог быть невежливым, – на меня от всех сегодняшних испытаний накатило язвительное настроение, – Ркасса больше ничего не передавала?

– Передавала, недоальв. Старшая просила предупредить тебя, что вознаграждение, которое ты получил надо использовать с умом. Ты пока не Маг, если не познал Астрала, ты – птица со сломанным крылом, ты – олень с расщеплённым копытом...

– А кроме оскорблений Старшая ещё что-нибудь передавала? – я начал закипать. Принесли благодарность, понимаешь. Бросили под ноги какой-то кулёк. Могли бы не издеваться, я и просто «спасибу» был рад. Издеваются: то недоальв, то олень! Куда это годится?

– Если ты хочешь познать гармонию мира, кварталон, дети леса дадут тебе такую возможность! – тон дриады несколько изменился, мне показалось, что говорит сама Ркасса, – возьми плод материнского дерева, что мы дарим тебе, отнеси его к корням и спроси совета у Леса. Астрал откроет тебе путь, но вернуться сможешь только ты сам, недоальв... – из дриады словно выпустили весь воздух, она поникла плечами и легла на спину застывшего Парсума.

Вот оно как. Я потянулся к котомке, запустил туда руку и вынул... шишку, величиной с голову ребёнка. Глубокого фиолетового цвета, с мелкими, плотно прилегающими чешуйками, она была липкой и приятно пахла хвоей и почему-то лимоном.

Я встал, подхватив котомку, и осторожно сложил туда подарок. Ногой пододвинул остатки тушки индотетерева к морде Парсума, растерявшего при этом меланхоличное настроение и с интересом принявшего к угощению. Дриада продолжала безучастно лежать на спине зверя.

– Жри давай, пока твоя уснула, ну! – Парсум блеснул жёлтым глазом и аккуратно подобрал тушку. Всего пара движений челюстями и ночной ужас небытия сглотнул остатки моего ужина. Лобастая голова ткнулась мне в плечо, а лопатообразный язык розовой теплотой обласкал ухо.

Дриада встрепенулась, очнувшись от забытья, и подозрительно посмотрела на близко стоявшего ко мне облизывающегося Парсума:

– Корни ближайшего материнского дерева ты найдёшь, недоальв, если прямо сейчас пойдёшь на закат. К восходу Трёх Сестёр будешь на месте... – дочь леса развернула зверя и скрылась в зарослях густого кустарника.

– Аррр... – как мне показалось, благодарно прозвучало в сгущающихся вечерних сумерках.

## Глава шестая

Пошёл на закат. Любопытно же. И шишку эту подарочную надо использовать по назначению, не таскать же её всё время с собой?

После сытного перекуса на природе шагалось легко и беззаботно. Но мысли всё ещё возвращались к находке. Целая станция, полная ништяков из технологического будущего! Не говоря уж о возможном нахождении там в капсулах людей... Интуиция подсказывает, что подобный беспорядок никак не входил в планы Хранителей. Значит, что? Правильно. Рано или поздно здесь появится либо сам Вестник, либо его эмиссары или кто у него там за подручных? Такая находка может очень серьёзно поменять расклад сил на планете. Интересно, можно с помощью магии как-то проникнуть внутрь? Ох... что-то не очень мне такая перспектива нравится. Тут поломка одного дрона чуть не привела к экологической катастрофе в регионе. Так это просто трагическая случайность, авария. Дрон, скорее всего, не был рассчитан на пространственные катаклизмы. А если незнающие местные маги как-то пролезут внутрь станции? Мда, может случится анекдот про обезьяну с гранатой, а может и нет... Чего это я всё о плохом, надо быть оптимистичнее, Эскул! Но осадочек-то неприятный...

Солнечный диск коснулся вершушек сосен, вокруг уже не было ни пальм, ни кустарников с тысячами колючек, что так досаждали мне у ущелья. Довольно удобная тропа как-то сразу превратилась в бугристый пересечённый подлесок, то тут, то там пересекаемый оврагами и промоинами. Медленно, но верно, рельеф становился совершенно по-свински труднопроходим. Пару раз чуть не вывихнув лодыжку, ругаясь матом и призывая местных Богов в свидетели, я уж было собирался плюнуть на затею с поисками материнского дерева. Когда, выбираясь из очередного оврага, ухватился за край толстого корня и чуть не закричал от неожиданности.

Древесина была податливой и аморфной, словно студень. Нет, я не повредил корня, но от моего прикосновения он задрожал, словно живой и, извиваясь, попытался ухватить меня поперёк туловища. Дудки! Извернувшись, я отскочил вдоль оврага и, помогая себе Ключами, взобрался на сырой, осыпающийся землёй, склон.

Сверху мне открылось зрелище, от которого поначалу просто передёрнуло от омерзения. На поляне, лишённой не только травы, но и любой другой растительности, располагалось Дерево. Множество тонких фиолетовых стволов переплетались между собой, образуя толстый единый пук в несколько обхватов. На высоте нескольких десятков метров стволы разделялись на сотни побегов, взрывающихся тысячами мясистых продолговатых листьев золотистого цвета, трепетно подрагивающих в высоте, рождая прекрасную хрустальную мелодию, уносящуюся и истаивающую где-то далеко в небе.

Земля вокруг дерева постоянно шевелилась, сизые, фиолетовые и чёрные червеобразные корни то выползали на поверхность, то снова исчезали в разрыхлённой почве. По периметру вокруг пучка стволов были разложены знакомые мне коконы с умершими дриадами, каждый из них был почти полностью погружён в небольшую лужу кристально прозрачной воды, поверхность которой дрожала в унисон лиственной мелодии.

Ощущения от увиденного помимо первого омерзительного впечатления притягивали взгляд своей необычностью и таинственностью. Впервые в Небытии я видел природное явление, абсолютно чуждое моим представлениям о земной биологии.

Странно, но находясь здесь и сейчас, я поймал себя на мысли, что прикоснулся к пониманию того, что магия, наполняющая мой мир, не только открывает новые возможности существования, она становится самой жизнью с совершенно фантастическими проявлениями... Гадливое чувство куда-то исчезло, уступив место острому любопытству.

Аккуратно пройдя по наиболее устойчивым участкам, я рассмотрел, что травяные коконы с телами погибших дриад пронзает множество белесых волосков, тянущихся от живых корней материнского дерева. Никаких сомнений не было, это именно оно!

Воздух шевельнул волосы на затылке, я медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Со всех сторон меня обступили вытянувшиеся вертикально червеобразные отростки, числом в несколько дюжин.

– Здрате... – просипел я пересохшим горлом, нервно сглатывая подкативший комок, – я тут это... у меня здесь... – я полез в котомку, осторожно вытаскивая шишку и протягивая её отросткам. Те, в свою очередь, стали аккуратно касаться её верхушки и тут исчезали в земле. В конце концов, остался только один, абсолютно чёрного цвета. Он обвился вокруг шишки, выдернув её из руки, и тоже погрузился в почву неподалёку от меня...

Некоторое время ничего не происходило, и я терпеливо ждал, боясь изменить даже позу. Наконец, в том месте, куда погрузилась шишка с корнем, земля вспучилась, расступилась. Яма заполнилась прозрачной водой, из глубины которой стал постепенно подниматься пронзительно синий вытянутый... Больше всего это напоминало огромный, в рост человека, бутон лилии. Он вырос из воды одновременно набухая и раздаваясь вширь. Я заметил, что основанием бутона служит тот самый антрацитово-чёрный корень, поддерживающий его сплетением чешуек, очень напоминающих по цвету подаренную мне шишку.

Ага! Проросла шишечка! Я приготовился наблюдать дальнейшее действие, заключая с самим собой пари на то, что произойдёт дальше. Что принесёт с собой цветок, который родится из такого огромного бутона? Дюймовочку? Магического шмеля? Экзотический плод материнского дерева?

То, что произошло дальше, никакой мой опыт или интуиция не могли предугадать. Под льющийся сверху хрустальный звон листьев гигантский бутон медленно развернулся, открыв сердцевину, сплошь состоящую из скопления множества тычинок, которые резко выстрелили в мою сторону облаком синей пыльцы, покрывшей меня за несколько мгновений с головы до ног. Голова сладко закружилась, невыносимо захотелось спать. При этом я не чувствовал и грана страха или тревоги. Ноги и руки мои аккуратно, но неумолимо обвили червеобразные корни, вновь появившиеся с разных сторон. Моё тело, словно ценную и хрупкую статуэтку, приподняли над распустившимся цветком.

Небывалый подъём настроения, рвущиеся изнутри эмоции, наслаждение, граничащее с нирваной – всё это позволило мне довольно равнодушно наблюдать, как послушно расступился подо мной строй тычинок и цветок рассёк звёздчатый провал, ведущий в непроглядную темноту.

– Всё-таки сожрали меня, лесные демоны... – пролепетал я, погружаемый с улыбкой идиота в сердцевину цветка...

\* \* \*

Очнулся я с очевидным ожиданием увидеть вокруг лес и очередную точку респану. Ибо, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти, был абсолютно уверен, что подлые дриады принесли меня в жертву своему материнскому дереву. А что? Биоматериал у них в дефиците, а тут такой уникальный генетический экземпляр! Вот и решили: чего добру пропадать?

Тут только я понял, что нахожусь на той же самой поляне, где шишка дала вырасти бутону, и где меня засунули в его тёмную пасть. Вот тебе и раз! Я протёр глаза кулаками. Было ощущение, что нахожусь во сне.

Кругом царила абсолютная и непогрешимая тишина. Хотя, нет на грани слышимости различался какой-то постоянный гул. А вот мои шаги или другие движения тела не порождали ни единого звука. Мир вокруг был затянута какой-то пеленой, скрадывающей все цвета, остав-

ляя лишь оттенки серого. Материнское дерево выглядело мёртвой исполинской корягой, его корни пронзали полупрозрачную землю. А в центре пучка стволов виднелось синее свечение, будто маленькое клубящееся зарево. Единственное цветное пятно во всей округе.

Естественно, что я решил рассмотреть его поближе. Идти было на удивление легко. Ноги не проваливались в полупрозрачную почву. Ощущение было, словно шагаешь по стеклянному полу. Приблизившись к непонятному синему клубку, висевшему среди стволов прямо в воздухе, без всякой опоры, я детально разглядел его структуру.

Идеально круглый шар из полупрозрачной субстанции, внутри которого маленькими лазурными протуберанцами кипела жидкость, очень напоминающая по цвету ману в моей Сфере Преображения. От шара в разные стороны тянулись едва видимые тонкие нити, одну из которых я случайно пересёк не заметив. Впрочем, на неё это никак не повлияло. Я попробовал тронуть её рукой, кисть прошла насквозь, не встретив препятствия.

При этом я, наконец, обратил внимание на своё тело. Вот это да! Что же это со мной сотворила чудо-шишка? Очертания туловища были такими же полупрозрачными и зыбкими, как и всё окружающее. Сквозь него с трудом, но можно было рассмотреть землю, мёртвые корни, камни. На руках и ногах ярким золотом выделялись контуры рунных татуировок. Пиктограммы заклинаний светились зловещим рубиновым цветом. Показатели жизни и маны также ярко выделялись зелёным и синим цветами соответственно.

Причём от них вдоль внутренней поверхности правой руки к моей груди и животу тянулись живые ручейки. Синий, маны, расширялся в области сердца и образовывал небольшую сферу, величиной с кулак, как две капли воды походящую на пылающий шар, что висел в сплетении стволов материнского дерева. «Средоточие маны!» – тут же всплыли в голове слова Гуггенхайма. Значит, передо мной один из источников магии Небытия! А вокруг Астрал!!!

Вот, значит, какой ты, первый горизонт? Со всё возрастающим любопытством я начал оглядываться по сторонам. Примерно на двадцати- тридцати шагах от меня перспектива искажалась, а мир полностью скрывался за серым маревом. Но стоило сделать несколько шагов вперёд, как обзор увеличивался, а оставшиеся позади объекты поглощала вездесущая серость...

Я снова посмотрел на своё Средоточие. Оно пульсировало в такт сердцу. Зелёный ручеек показателя жизни тянулся через грудь к животу, образуя пульсирующий аморфный комок в области печени. Ага! начинаю проникаться особенностями магической анатомии. Так, так... Левая рука была пронизана настоящей изумрудной сетью, тускло мерцающей и тянущей тонкую нить к Средоточию. А вот и способность «Мёртвое – мёртвым, живое – живым»! Вполне очевидно завязанная на моё Средоточие...

Так, а почему в этой... ммм... этом Астрале я голый? Материальные предметы здесь не проявляются? Я сделал привычное мысленное усилие для того, чтобы достать из инвентаря наручи Рагнара Селёдки. Пальцы ощутили тяжесть предмета, но глаза предстали лишь их едва различимые контуры. Попытался надеть... не вышло. Кольчуга – то же самое, только в области груди этой части сета что-то переливалось всеми цветами радуги... Великий Рандом! Я и забыл уже, как он выглядит. Талисман Жизни, ставший когда-то единым целым с кольчугой...

Я стал лихорадочно перебирать весь инвентарь. Сет Рагнара Селёдки смог только ощупывать. Набор хирургических инструментов, выглядел точно так же, как и в реальности. Удивили Ключи Матери и Сына.

Сверкающие расплавленным серебром, они источали ровный и далеко распространяющийся свет, разгонявший серую хмарь дополнительно вокруг на десяток шагов. Вот, значит, как. Божественные предметы, запомним! Я вернул всё в инвентарь, оставив только Сферу Преображения, и постарался максимально приблизиться к местному Средоточию.

До него оставалось несколько шагов, как Сфера в моих руках завибрировала и уровень маны стал повышаться. В это же время Средоточие в моей груди запульсировало чаще, в ушах зашумело. На несколько мгновений по всему телу побежали мурашки, принёсшие с собой ощу-

щение весёлой бодрости и силы. Я с уважением посмотрел на равнодушно мерцающее среди стволов материнского дерева Средоточие.

Станция магической зарядки. Значит, вот как это работает... Хм, а ведь это огромный шаг вперёд! Умея ориентироваться в Астрале и находя вот такие средоточия, можно иметь в резерве практически постоянно восполняемый запас маны... а это серьёзное преимущество!

Хм, а ну-ка, что будет, если я активирую заклинание? Каст Водного Щита прошёл мгновенно. Серое пространство вокруг меня за считанные секунды посветлело и вокруг образовался плотный пузырь. Заклинание внешне выглядело почти как в реальности, только здесь, в Астрале, от моего Средоточия к его поверхности тянулись сотни тысяч тончайших синих нитей. Если приглядеться внимательнее, структура пузыря состояла из множества бесцветных кристаллов, больше всего напоминающих морозный орнамент на стекле. Невольно пришла в голову ассоциация с определением скульптуры. Только если там это музыка, застывшая в камне. То здесь – это мана, застывшая в кристаллах Астрала... Жаль, что я не физик. Мог бы, наверное, многое почерпнуть из простых наблюдений за внешними проявлениями заклинаний в этом потрясающем месте.

Я деактивировал Щит Воды. Пузырь незамедлительно пролился дождём из растаявших кристаллов на призрачную землю. Красиво, чёрт возьми!

Парадокс. Чего только я не повидал в виртуальных реальностях на своём веку. Вэбдизайнеры к середине двадцать первого века стали настоящими волшебниками. Но ощущать чудеса и прелесть истинной, а не нарисованной, магии в Небытии – это просто потрясающе! Я словно мальчишка, дорвавшийся до сладкого, целый час поочерёдно активировал заклинания Бича, Щита и даже Водного Взрыва, испытал его на луже, скопившейся после таяния кристаллов. Результат обескуражил меня. Взрыва не произошло, на месте лужи появилось потрясающей красоты небольшое дерево с хрустальными ветвями и полупрозрачными резными листьями в виде снежинок. Оно подрагивало на не существующем ветру Астрала и, возможно, издавало звон, который поглощала клубящаяся серая хмарь. А после того как струны, тянущиеся от моего Средоточия к дереву, растаяли, оно продолжало радовать глаз в мрачном ландшафте первого горизонта...

До меня стал доходить весь смысл подарка дриад. Будучи непрошенным гостем, насильно втиснутым в структуру магического мира, и, чего греха таить, квартироном с почти халявными способностями, я был до сегодняшнего момента просто слепцом, обычным пользователем великого дара.

Я совершенно иначе посмотрел на окружавший меня пейзаж. Нарочитая унылость скрывала саму соль этой земли, скрытые механизмы, связи и источники, лежащие в основе Небытия. Сердце учащённо забилося. Сколько же ещё тайн скрывается меня, от нас, бессмертных, на этой планете?

Сколько назвал горизонтов старик Гугтенхайм? Девять? Я стою всего лишь на первом и осознаю себя не более чем экскурсантом в огромном музее чужого мира! Осознание огромной пропасти, разделяющей моё видение окружающего и существующую реальность, созданную Хранителями, заставило поёжиться.

Что-то неудобное было в этом месте. Не общий вид и антураж, нет. Это и так понятно... Трудно выразить словами... какая-то тяжесть возникала в душе, словно забыл что-то очень важное и от этого зависит жить или умереть... Тьфу ты, пропасть! Бррр! Я встряхнулся.

Пора бы прекращать эксперименты. Надо как-то выбираться. Хм, проблема... Сюда-то пропуском послужила шишка, а отсюда? Мне почему-то невыносимо захотелось обратно, в лес, под ласковые лучи заходящего солнышка.

Пространство вокруг задрожало, десятки струн вырвались из моего Средоточия, формируя в метре перед глазами медленно вращающееся веретено, раздвигающее серую мглу и

медленно образующее широкую щель... за которой... Великий Рандом, слава Трём Сёстрам, начиналось буйство красок вечернего леса.

Я не стал мешкать и шагнул в любезно возникшую дверь, оказавшись на краю поляны с материнским деревом. Уф! Сразу стало легче дышать, неприятная тяжесть в душе рассеялась... Во ты какой, Астрал. Стоило вновь вспомнить серую хмарь горизонта, как воздух передо мной задрожал, протаял и стала формироваться знакомая щель.

Нет, нет! Ну его на...! Мне пока хватит. Хватит! Я сказал. Щель послушно затянулась. Что ж, теперь ясно, что вернуться я смогу без всякой шишки. И как бы не было неприятно, возвращаться придётся. Чувствую, что Астрал является ключом к очень многим тайнам, и не только магии... По крайней мере, я теперь знаю, как найти «заправочную станцию».

Посвежело. Я продолжал разгуливать в штанах и рубашке. Пришлось облачаться в куртку, кольчугу и сапоги, благополучно дожидавшиеся в инвентаре. Здесь меня уже ничего не держало. Интересно было бы попытаться проникнуть внутрь станции. Но никаких рациональных мыслей по этому поводу не возникало. Не буду думать об этом сегодня, подумаю завтра.

Пора воспользоваться порталом, скоро солнце совсем скроется.

Сумерки ещё только начинали завоёвывать лес, когда я активировал порталное заклинание и шагнул в его овал, едва различая по ту сторону ничем не прикрытые доски фургона и сияющую на них пиктограмму.

\* \* \*

Выбравшись из повозки, едва не застонал от желания: вечерний воздух был наполнен чудодейственными ароматами знаменитой похлёбки мамы Хейген.

Путешественники разбили лагерь на краю небольшой балки. Вокруг, насколько хватало глаз, местность представляла собой небольшие холмы, поросшие чахлым кустарником. Вечернее небо огромным звёздным шатром накрывало землю, серпы молодых лун выстроились по ранжиру, словно на параде.

Я люблю лес, но с вольным воздухом степи, фантастическим букетом запахов разнотравья, сравнить его трудно. Небо находится здесь настолько близко к земле, что кажется иногда: протяни руку – и вот они, звёзды, бери любую!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.